

18+

Олег Кокин

*Евстафий, сын
того самого
Никифора*

Олег Николаевич Кокин Евстафий, сын того самого Никифора

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65841193
ISBN 9785005502735*

Аннотация

Захватывающее повествование о судьбе младенца Евстафия, переброшенного силой богов в 2012 год. Выросшего под приглядом тетушки Лианы и воспитанного отставным оренбургским казаком Орловым. В семнадцать лет он был возвращен в свое время. Здесь он встретился с отцом и матерью и со своей любовью.

Содержание

Г Л А В А 1	8
Г Л А В А 2	14
Г Л А В А 3	22
Г Л А В А 4	26
Г Л А В А 5	42
Г Л А В А 6	49
Г Л А В А 7	68
Г Л А В А 8	72
Г Л А В А 9	83
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Евстафий, сын того самого Никифора

Олег Николаевич Кокин

© Олег Николаевич Кокин, 2021

ISBN 978-5-0055-0273-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление:

Г Л А В А 1 – Короткая. 2012 год.

Г Л А В А 2 – Возвращение Стафа в свое время. Зимние
Оренбургские степи.

Г Л А В А 3 – Киргизские страсти.

Г Л А В А 4 – Стаф попадает в разборки плохого и хоро-
шего киргизов.

Г Л А В А 5 – Отец Стафа, Никифор, едет в командировку.
Вещий сон Арины.

Г Л А В А 6 – У Стафа появляется новый дядька,
но с той же фамилией, Орлов.

Г Л А В А 7 – Беседа с генералом. Поездка в Оренбург.

Г Л А В А 8 – Начальник пехотного полка подполковник

Малеванный А. С.

Г Л А В А 9 – Стаф в Неплюевской военной гимназии.

Г Л А В А 10 – Будни командировочных военных. Никифор узнает о местонахождении сына Евстафия.

Г Л А В А 11 – Комплектование пластунской сотни в городе Уральске.

Г Л А В А 12 – Никифор с пластунской сотней в Оренбурге. Важный разговор Никифора с директором военной гимназии. Встреча с сыном Евстафием. Встреча с другом детства Сашкой Малеванным.

Г Л А В А 13 – Зимний поход сотни казаков пластунов по кайсакской степи.

Г Л А В А 14 – Освобождение невольников диким зверем. Бесславная гибель свирепых работорговцев. Дед Волег, его друзья и родственники.

Г Л А В А 15 – Поиски пропавших русских людей.

Г Л А В А 16 – Пластунская сотня в Казалинске.

Г Л А В А 17 – Плавание Стафа по Сыр-Дарье. Новые впечатления, новые знания.

Г Л А В А 18 – Стаф участвует в освобождении жителей села Каратас и лично сражается с кокандскими нукерами.

Г Л А В А 19 – Дед Волег организовывает движение освобожденных невольников в Ташкент. Дервиш Шабдан выполняет распоряжение минбаши.

Г Л А В А 20 – Стаф из уст атамана Калюжного узнает о своей нареченной Мелании.

Г Л А В А 21 – Встреча бывших невольников и казаков атамана Калюжного. Благополучная охота. Шестое чувство деда Волега.

Г Л А В А 22 – Мечты юзбаши Мергена.

Г Л А В А 23 – Стаф знакомится с настоящей Меланией.

Г Л А В А 24 – Кровопролитное сражение под Янгиаулом. Закономерная победа русских войск.

Г Л А В А 25 – Первое награждение казаков и офицеров пластунской сотни генералом Абрамовым А. К. в Самарканде.

Г Л А В А 26 – Искандаркульская экспедиция генерала Абрамова А. К.. Ошеломительно прекрасная природа верховьев Заравшана. Гордые и воинственные жители Когистана. Завоевание горных бекств. Лана награждается за храбрость.

Г Л А В А 27 – Поход русских войск на восставшие города Китаб, Шаар, Шахрисабз. Пластунская сотня штурмует город Китаб с отличным результатом. «Недоразумение» с подполковником Деревянко. Адекватный ответ вахмистра Орлова. Кавалеры Святого Георгия.

Г Л А В А 28 – Обратный путь пластунской сотни в город Оренбург. Своевременный совет капитана второго ранга Ситникова майору Брянкину.

Г Л А В А 29 – Майор Полторацкий представляет майора Брянкина и поручика Малеванного генерал-губернатору Оренбурга. Круговерть подготовки к награждению и предстоящему балу.

Г Л А В А 30 – Официальное награждение героев-туркестанцев. Бал в их честь в Дворянском собрании Оренбурга. Стаф и Лана самые красивые и молодые участники бала. Участие генерал губернатора в устройстве судьбы Стафа.

Г Л А В А 31 – Следование пластунской сотни в Харьков. Полковник Брянкин Никифор Ефимович отделяется с родными, чтобы провести крестного отца, Брянкина Петра Григорьевича. Сюрприз при встрече. Знакомство Петра Григорьевича с правнуком и внуком.

Г Л А В А 32 – Родственники Парамоновы. Предупреждение тетушки Лианы для Стафа. Происшествие на реке Цне. Помолвка Стафа и Ланы.

Г Л А В А 33 – Судьбоносный разговор Стафа с дедом Петром. Смерть деда Петра. Похороны.

Г Л А В А 34 – Долгожданная встреча Стафа с матерью. Желанная свадьба.

Г Л А В А 1

Весело насвистывая неприхотливую песенку про то, как живет Винни Пуху и его другу Пятачку из Диснеевского мультфильма, Евстафий, с рюкзачком на одном плече, ловко уворачивался от неуклюжих пешеходов в зимних одеждах. И легким шагом продвигался по тротуарам, очищенным от снега приезжими гостарбайтерами, к своей школе на улице Берзарина в городе Москве. Ему очень нравилось учиться в шестом классе Курчатовской общеобразовательной школы. Одноклассники и подруги в классе относились друг к другу с уважением и согласием. Как и в советские времена в их классе собрался полный интернационал. Кроме русских, были мальчики и девочки из таджикских, узбекских, туркменских семей, даже один представитель азербайджанского народа был. А армянские дети, так те вообще за русских считались. Так, вчера, херувимчик-еврей, девичий угодник Славик Сидоров выпросил у Евстафия конспект с решенными самостоятельно задачами по математике и беззастенчиво передрал к себе в тетрадь все ответы на задачи, забыв переписать условия задач, за что получил тощенькую тройку от учителя. И потом долго дулся на Евстафия, которому учитель поставил за домашку отлично. А нечего было спешить, и отвлекаться на смазливых армянок-чернавок при переписывании. Учителя в школе все, как на подбор, были

профессионально подкованные в своих предметах обучения, добрые и прекрасно уживались с неугомонными учениками, толкувая в их головы нужные и ненужные в жизни знания. За прошедшие года, которые отложились в его памяти, он все больше и больше проникался симпатией к парализованной тетушке Лиане, постоянно прикованной к постели и полностью замотанной в бинты. Из щелочек между бинтами выглядывали только губы и глаза, у которых выражение менялось в зависимости от настроения тетушки. Несмотря на незавидное положение, всегда находиться в неподвижном состоянии, тетушка Лиана с помощью помощницы блюла чистоту и порядок в двухкомнатной квартире с высокими потолками. Нанятая прислуга, в лице моложавой дородной тетки Вари, мигом исполняла любые пожелания и приказания тетушки Лианы, высказанные ею. Тетушка обучала Евстафия с самого сопливого возраста разговорной речи на различных азиатских языках, которые она очень хорошо знала. Да и чем еще занять названного племянника, когда сама лежишь неподвижной колодой, только и остается разговаривать с маленьким, но довольно восприимчивым мальчишкой. Поэтому в школе он только закреплял навыки разговорной речи с представителями и представительницами азиатских народов. И к пятому классу он бойко разговаривал и по-туркменски, и по-таджикски, и по-азербайджански. Школьный курс французского языка был им усвоен тоже хорошо. До пятого класса Евстафия, или, как его начали недавно

называть ученики в классе, Стафа, постоянно сопровождал в школу и обратно телохранитель дядя Миша. Он до того допек Стафа своими, возможно правильными, но, тем не менее мелочными придирками, что тот попросил тетушку убрать от него надоедливого охранника, убедив ее в том, что он сам в состоянии себя сохранить в любых ситуациях по дороге в школу и обратно. За что он боготворил свою тетушку Лиану, это за то, что она шла навстречу любым позитивным желаниям племянника. Так он пожелал в третьем классе ходить в секцию борьбы самбо, чтобы научиться обороняться от хулиганов, и записаться в музыкальный кружок для обучения игры на гитаре. Тетя Лиана не только разрешила заниматься испрошенными занятиями, но и нашла по своим каналам пожилого казака-наставника Тимофея Пантелеевича Орлова, чтобы он научил Стафа ездить на лошади и всяким казачьим премудростям, в виде джигитовки, владения саблей и хитрым навыкам казачьих пластунов. Так, что Стаф был загружен учебой и внеклассными занятиями по самую макушку. После трудных пяти месяцев привыкания к лошадиной спине, а потом и к седлу, Стаф к началу учебы в шестом классе, самостоятельно галопировал на Звездочке и выполнял показанные ему наставником Тимофеем немудреные трюки с рубкой легкой саблей выставленных и справа и слева вешек на кольце песчаной дорожки в конном клубе «Фортуна». Тимофей Пантелеевич хвалил Евстафия за умелые действия с холодным оружием и говорил, что он, как пото-

мок оренбургских казаков, гордится таким сообразительным и сноровистым учеником. Однажды Стаф, сразу по приходу с занятий в клубе «Фортуна» обратился к тетушке:

– Теть Лиа, скажи мне, пожалуйста, а ты знала моих родителей, кто они. Вон дядя Тимофей всех своих родных до седьмого колена помнит и рассказывает мне о них, какие они геройские были. А я ничего не знаю даже о своих родителях, а про бабушек и дедушек и подавно. Единственно, во сне ко мне приходит мама и ласково разговаривает со мной, почти так же, как ты.

– Стаф, так, по-моему, тебя ребята в школе прозвали, и мне нравится это сокращенное имя, что я могу тебе сказать, только то, что ты сам все узнаешь через пять лет, а сейчас эта тема для тебя и меня «табу». Ты бы порадовался со мной вместе, посмотри, мои руки выздоровели и даже чуть-чуть шевелятся. Завтра, пока ты будешь в школе, я попрошу мою помощницу снять повязки с рук.

– Ух ты, а ты молодец, теть Лиа. Правду ты говоришь, что тот, кто борется за жизнь, всегда побеждает болезнь. А когда ты выздоровеешь совсем, то я увижу и твое лицо, оно у тебя, наверное, красивое.

– Ладно, ладно тебе подлизываться, говори, что еще тебе нужно.

– Да ничего. Хочу порадовать тебя новой выученной песней. «Очи черные» называется. Сейчас переоденусь, гитару настрою и спою. Ты согласна, теть Лиа?

– Согласная я. Жду с нетерпением. Иди, быстрее переоденься.

Евстафий, в свои двенадцать лет, был высоким, ладно скроенным парнем, со спины больше похожим на студента-физкультурника. И только миловидное лицо с прямым римским носом и детскими ямочками на щеках позволяло признать в нем неоперившегося мальчишку школьного возраста. Он поспешил переодеться и, схватив лежащую на диване семиструнную гитару, стремительно прошел в комнату к тетушке. Уселся на табурет, стоящий у стены, напротив кровати тети Лианы, хорошо поставленным голосом продекламировал:

– Романс «Очи черные» на слова украинского писателя и поэта Евгения Гребёнки исполняется на музыку вальса Флориана Германа, обрусевшего немца.

Потренькал струнами, настраивая их правильное звучание, проиграл аккорд и запел. Глубокий баритон Евстафия с бархатистым оттенком передавал всю силу мужской любви к женщине, его пламенное увлечение обладательницей черных прекрасных очей. Песня закончилась, перестала звучать гитара. Возбужденным и страстным голосом тетушка прошептала:

– Ах, Стаф, ты пробуждаешь во мне жизненные силы, мне хочется поскорее выздороветь и зажить полноценной свободной жизнью молодой женщины, найти прекрасного принца, который будет любить меня горячо и неумоимо. Спаси-

бо тебе огромное за глоток надежды. Ты поешь изумительно. Подозреваю, что твои одноклассницы на тебе уже прожгли множество дыр своими черными очами. Но ты, пожалуйста, помни, они не для тебя. Твоя Мелания ждет тебя совсем в другом месте. Все, иди, готовь уроки на завтра.

Г Л А В А 2

Не таким унылым и беспросветным представлял себе свое будущее Евстафий. Правда, тетушка Лиана предупреждала об этом и заставляла штудировать исторические очерки и описания этих мест с их населением до самой корочки, вплоть до заучивания наизусть должностей, научных, и военных званий составителей данных отчетов. Всегда говорила ему не склоняться перед трудностями, гордиться собой и готовиться стать во взрослой жизни военным человеком, служить своему отечеству храбро и беззаветно. На несмелые возражения Стафа, что там он не видел в армии, она разъясняла ему, что во все времена военные люди, особенно одаренные мужчины, бывали всесторонне развиты и озабочены не только своим продвижением по службе. Они заботились о подчиненных, старались с высоты своего положения облегчить жизнь простых солдат и населения на подконтрольной территории. А для исполнения этих благородных замыслов, самому необходимо выучиться военному делу прилежным образом и заручившись рекомендациями старших товарищей, начальников и верных друзей строить блестящую карьеру к вершинам власти. Самые реалистические и легко усвояемые знания Стафу запомнились в рисунках и карандашных набросках художника Штернберга В. И., выполненные в пору его нахождения в военном отряде губернатора

Оренбургской губернии графа Перовского В. А. Но он-то, стоя на заснеженной дороге, только теперь понял, что перенесся по запротоколированному в другой реальности желанию чудака-Дива в тот же момент, как тетушка Лиана полностью превратилась в нормальную цветущую молодую женщину восточной внешности. До этого она успела многое рассказать Стафу. Особенно про свое перевоплощение в чудовище из-за чудачества влюбленного в нее коллеги-археолога, которому, кровь из носа, захотелось удивить ее исполнением древнего пророчества по вызову дива, не так, Дива. И он удивил ее, когда после прочтения старинного текста с глиняной таблички на руинах древнего города Сузы и последующим ее разбиванием, на этом месте возник двурогий великан в человеческом образе. Див спросил парня, зачем тот оторвал его от достойнейших занятий по ловле оленей в своем мире, и призвал на эту грешную Землю. Пока коллега Лианы думал, что ответить, див наступил на него ногой и раздавил как червяка. Лиане Див сказал, что парень был не прав, вызывая его просто так, для того, чтобы потешить свое самолюбие и восхитить возлюбленную, поэтому поплатился своей жизнью. А так, как Лиана тоже косвенно причастна к его вызову, то быть ей чудовищем в богатом дворце, на необитаемом острове, до того времени, когда она в умах людей разных времен найдет себе маленького ребенка и воспитает его до семнадцати лет. Жить она будет в своем времени в столице России, дабы не смущать правоверных сво-

им видом. На обустройство разрешил взять любых богатств из дворца, что она сможет унести в лапах. По мере взросления ребенка, она будет превращаться обратно в человека, а по достижению им семнадцатилетия, она полностью обретет свой первоначальный вид. Повзрослевшего ребенка он отправит в его время на земли киргизов, где Дива почитают за божество. А там на все будет воля Дива и воля человека и, возможно, там он встретит своих родителей. Еще она рассказала, как помогли ей данные Дивом некоторые эмпатические способности и магические умения в поисках человека, который согласится на ее условия. И вот, после семнадцатой попытки ей попался энергичный мужчина зимой на Урале. Что он исполнил ее просьбу, и отдал ребенка своей дочери ей. Рассказала, кто такие его родители, деды и прадеды. Где они проживали в то время. И попросила у него прощение за долгую разлуку с родной семьей. Стаф ее простил и с позднего вечера семнадцатого января почти до полуночи пел различные песни под гитару, сидя у кровати красивейшей тетушки, у которой ноги все еще были в бинтах. Потом, по какому-то наитию, надев синтепоновую черную куртку и кроссовки, он вышел на балкон подышать свежим морозным воздухом перед сном. А когда он захотел зайти в комнату, то очутился на зимней дороге в бескрайней белой степи. Ветра не было. Небольшой морозец начал пощипывать уши и нос. На небе драгоценными камешками сверкали звездочки вселенной и созвездий галактик. Полная луна освещала мерт-

венным белым светом поблескивающий снег вокруг и две полутемные полосы углублений на дороге, оставленные полозьями волокуши. Ни деревьев, ни кустиков, ни рядом с дорогой, ни вдалеке Стаф не наблюдал. Натянув на самые уши черную шерстяную шапочку, извлеченную из кармана куртки, и тяжело вздохнув, он, неторопливо растирая ладонями лицо, кончики ушей и соблюдая правильное дыхание, направился легким бегом по следам волокуши в приглянувшемся направлении. Через некоторое время с бега перешел на быструю ходьбу. Пробежка разогнала кровь по жилам, и Стаф начал мыслить более позитивно. Мало ли, как он одет и как выглядит, главное он на своей земле и в своем времени. А если любопытные люди начнут расспрашивать, кто он и откуда, то найдется, что сказать. А вот хотя бы так, что он отстал от своего торгового каравана, который вел немец-купец с Гамбурга, да, заблудился в степи. Размышления на очень посвежевшую от холода голову пришлось прервать, потому что впереди зачернелось что-то массивное. Стаф вновь побежал трусцой, постепенно приближаясь к окутанному темнотой строению с плоской крышей. Следы волокуши вели прямо к нему. По мере приближения к месту обитания людей, он стал отчетливо видеть над крышей строения, вылетающие вместе с дымом, быстро затухающие красные искорки. Неспешно приблизился к зимовке аборигенов. На удачу потрогал православный серебряный крестик на шее, который ему в детстве вручила тетушка Лиана и попросила все-

гда носить его на груди. Постучался в толстую жердину около закрытой двери. После продолжительного постукивания и выкриков на французском языке, чтобы открывали двери замерзшему путнику, в приоткрытой щели дверного проема раздался сиплый со сна голос, вопрошавший на киргизском языке, кого тут дивы носят. Преодолевая несильное сопротивление, и коротко ругаясь по-французски, Стаф протиснулся внутрь помещения в образовавшийся проход между жердиной и дверью и был немедленно остановлен. Тот же сиплый голос произнес интернациональное слово:

– Stop.

Дверь за Стафом закрылась, как будто, сама собой. Клацнул железный засов. Цепкие крючковатые пальцы аборигена, ухватившись за полу куртки, повлекли Стафа за собой вглубь помещения. По-киргизски было сказано:

– Здесь ложись, утром чаю попьешь и расскажешь кто ты.

А красноречивый жест другой рукой, едва видимый в отблесках тлеющих углей очага, и подергивание куртки вниз, убедили путника в том, что ему предлагают спать до утра на этом месте. Стаф в долгу не остался и все также по-французски ответил:

– Oui.

Спалось на толстой шерстяной кошке одетым, и укрытым овечьими шкурами, около саманной стенки, на удивление крепко и без сновидений. Утро следующего дня выдалось крикливым и суматошным. Громкоголосый разговор хозяи-

на и хозяйки на повышенных тонах разбудил, надо думать, не только обитателей зимника, но и всех находящихся вокруг животных. Доносившееся блеяние овец из-за стены помещения и яростный брех собак на улице свидетельствовало в пользу последнего утверждения.

– Чая для заварки совсем не осталось, а ты предлагаешь поить незнакомца чаем. Не знаю, как мы дотянем до весны, но я уже сейчас детей кормлю впроголодь, растягивая запасы сорго и овечьего жира на маленькие порции.

– Ты, женщина, не заговаривай мне зубы, сам знаю, что у нас, и как. Ладно, завари кипяток кусочком кирпичного чая и вчерашние лепешки разогрей и подавай на дастархан с бараньим вяленым мясом. Грех, не уважить путника едой, да и сами нормально поедим. Давай, поворачивайся живее, я пока детей и гостя разбужу.

Хозяин прошелся по помещению, расталкивая отпрысков мужского и женского пола, недовольных ранним пробуждением, стаскивая шкуры, которыми они укрывались.

– Вставайте по-быстрому, не тратьте времени даром, пока вы уберете навоз у животных, набросаете сена в кормушки, нальете им талой воды и будете умываться снегом, мать накроет дастархан. И не забудьте, у нас в гостях незнакомец иноземный, чтоб никаких криков я не слышал.

Хозяин подошел к лежанке Стафа.

– Утро наступило, уважаемый. Вставай, пожалуйста, и выйди на улицу, посмотри какая красота вокруг. Сходи ку-

да надо и приходи садиться за стол. Угостим тебя, гостя дорогого, а ты нам расскажешь, где был и куда идешь.

Хотя Стаф все прекрасно понял, он опять произнес неизменное французское слово:

– Oui.

Хозяин не преувеличил, говоря о прекрасных зимних видах природы и хорошей погоде на дворе. Холодный и яркий свет утреннего солнца ослепил на мгновение Стафа, когда он вышел из саманного домика на улицу. Проморгавшись и развернувшись к солнцу спиной, Стаф с восхищением и удивлением обозревал открывшееся перед ним пространство. Непривычно было стоять в открытой степи, покрытой сверкающим белоснежным одеялом, искрящимся в солнечных лучах. Не слышно было гула самолетов, не сигналили автомобили лихих водителей, не полыхали радужной рекламой огромные баннеры. В белом безмолвии степного океана раздавались лишь голоса детей хозяина и поскуливание нескольких собак, просящих у работавших людей свою порцию еды. Стаф приветственно помахал рукой любопытным мордашкам девчушек, выглядывающим из дверей хозяйственных построек, заметил поправляющего штаны паренька, вывернувшегося из-за угла построек и направлявшегося к их дверям. Стаф обогнул этот угол и невдалеке обнаружил вполне оборудованное отхожее место. По-быстрому сделал свои дела там, не выходя, заправил одежду и, растирая руки прихваченным по пути снегом, решил возвра-

титься бегом. Да споткнулся на, присыпанном снегом, видно оставленным еще с осени, не выдернутом из земли колышке. Отряхнул вывалянные в снегу колени и теперь неторопливо прошел к дому.

Г Л А В А 3

Три месяца назад Утен Мусабаев, крепкий пожилой мужчина, старшина безымянного киргизского аила озаботился сбором калыма за двух невест для своих выросших сыновей. Сговориться с родителями девушек он сговорился, но вот только жадность не давала покоя его сердцу. Как же так извернуться, чтобы не отдавать сотню верблюдов и стадо овец в двести голов этим зажиточным беям за невест. Голова пухла от переживаний. Хотелось, и породниться с уважаемыми беями, и отдавать нажитое было не с руки. Если он отдаст скот сейчас, то сам будет наравне с нищими кочевниками перебиваться кумысом и лепешками из сорго. Да и отвернуться от него могут соплеменники, выберут другого старшину, побогаче и посноровистей. Стал он раздражительным и злым. Зайдя на внутренний двор, ни за что, ни про что разгневался на свою любимую третью жену, даже, кажется, ударил ее по мягкому месту, что за ним никогда не водилось. Увидевшая такое непотребство его, казалось-бы, выжившая из ума старая мать, покачала горестно головой и прошамкала беззубым ртом:

– Што тебе неймется мой любимый сын, а ну-ка присядь поближе ко мне и поведай свои тревоги, может, шего присоветую.

Унял он свой гнев и присел на кошму рядом с матерью.

Рассказал, как на духу, про свои мучения. Удивила его мать своей мудростью, разложила жизнь киргизов по полочкам. В самом конце своих рассуждений присоветовала она не забывать старинного промысла кочевого народа, да набрать полоняников с дальних айлов, а лучше урусов-селян. С добрыми батырами, ее внуками, а его сыновьями, и их молодыми товарищами с айла он запросто наберет необходимый товар, такой востребованный в Хивинском и Кокандском ханствах. Задумчивым и тихим вышел Утен с внутреннего двора. Теперь его мысли, благодаря своевременному материнскому совету, устремились к практическому выполнению задуманного предприятия. Конечно, за здоровых русских мужиков и баб он на Хивинском базаре выручит большие деньги. Да только одна закавыка выходит, не совладают киргизские батыры с урусами, слишком те друг за дружку держатся, оружие у них хорошее, далеко стреляет и метко, тем более, ссориться с их властями ему не хотелось, потом хлопот не оберешься. Переключился тогда он на обдумывание умыкания полоняников и овец из зимников дальних киргизских айлов и кишлаков. Припомнил рассказы знакомого сердара-туркмена (сердар, это командир) йомудского племени о лихих набегах на поселения урусов, о богатой добыче и в вещах, и в скоте, и в полоняниках, о достойной цене за раба на базарах Коканда и Хивы. Аж, слюнки потекли от зависти. Полтора месяца собирал необходимую толпу народа, натаскивал и готовил молодежь к жестокой драке, вплоть

до убийства себе подобных. Подобрал в шайку разбойников крепких, отъявленных головорезов, пятнадцать человек. Вооружились кто, чем мог и в середине зимы, по небольшому пока еще морозу и мелкому снегу двинулись на мохнатых лошаденках с двумя кибитками за поживой. За тридцать дней разорили и ограбили два аила сартов и один кишлак башкирцев за Эмбинским укреплением урусов. Кибитки были почти полны связанными полоняниками и полонянками. К седлам балбанов (балбан – борец, кирг.) было приторочено немалое количество уворованного имущества бывших кочевников и земледельцев. Гнали позади кибиток большое стадо разного скота, и овец, и верблюдов. Утен, довольный награбленным добром и количеством приобретенных рабов, направился было в родные края, чтобы пережить зиму в домашних условиях. Да вспомнил о неоплаченном долге дальнего родственника-кипчака. К тому же зимник должника был в направлении их движения. Недолго думая, Утен отобрал из шайки разбойников среднего своего сына и троих рослых балбанов, предупредил старшего сына, чтобы ехали, не останавливаясь, до родительского дома. Наказал, чтобы там рабов и скотину рассортировали и распределили на зимовку по родственникам до весны. А мы, мол, с прибытком догоним вас. В этот день солнце светило особенно ярко. Небо, против обыкновения, было чистым, без облаков. Снег играл различными оттенками радуги. Утен, скакавший впереди, первым заметил следы волокуши и разразился тор-

жествующим криком. Балбаны решили поддержать своего предводителя и вперемешку завопили:

– Аламан! Аламан!

(Что на киргизском языке означает – беспорядочный набег.)

Кричали до тех пор, пока Утен, углядевший вдалеке слегка занесенный снегом саманный зимник, не прекратил это безобразие. Это ж надо, еще и не видно противника, а они дерут глотку, как будто задались целью предупредить жертву о нападении.

Г Л А В А 4

В полумраке теплого помещения Стафу стала видна суета хозяйки с одной из дочерей по приготовлению утренней еды и чая. Еще крепкий старик, с длинной седой бородой и усами, хозяин зимника, сидел, скрестив согнутые ноги под собой. Его полосатый ватный халат на груди был распахнут, в проеме был виден еще один халат. На голове у хозяина была одета круглая тюбетейка. Он широким жестом пригласил Стафа присоединиться к нему. Стаф не стал артачиться и присел, так же, как и старик, на скрещенные ноги. На чистом атласном покрывале хозяйка начала выставлять сполоснутые кипятком пиалы перед мужчинами. Поставила рядом с хозяйской пиалой заварочный чайник и чашку с белым густым соусом. Хозяин прочел два (короткую молитву) на арабском языке:

– БисмиЛлях! (что означало «С именем Аллаха!»). Разлил чай по пиалам, добавил кипятка и плеснул густого соуса в чай по порядочной порции. Поднял свою пиалу, подождал, пока Стаф тоже возьмет свою пиалу с получившимся белым чаем. Только после этого отхлебнул со свистом порядочную дозу белой смеси из пиалы. Стаф попробовал потихоньку втянуть в себя парящий напиток. Его обоняние почувствовало вначале терпкий запах чая и приятный дух бараньего жира, язык и нёбо ощутили во рту горячий, мягко обвола-

квивающий полость рта и горло, напиток. Напиток не кислил и не горчил. Ему понравилось и он, с интересом поглядывая на людей в доме, незаметно выпил первую пиалу. Хозяин наполнил ему ее во второй раз и, наконец, назвался, прикоснувшись рукой к своей груди:

– Талгат Кулжигит. А тебя как кличут?

Он указал этой же рукой на гостя. Ожидавший нечто подобное, Стаф немедленно ответил:

– Стаф.

И добавил специально исковерканным киргизским наречием:

– Хорошо понимай ваш язык. Плохо говорить.

Воодушевленный его ответом, хозяин, со скоростью пулемета начал рассказывать гостю все, на чем останавливался его взгляд. Сообщил, что его хозяйка Назира, прекрасная женщина и добрая мать четверых детей. У них красавицы дочери, Гулай, Динара, Минатгуль и умница сын Азат. Они скотоводы. Разводят и выращивают овец. Труд тяжелый, но выгодный для выживания в бескрайней степи. Правда, иногда концы не сходятся с концами. Расходы на обустройство жилища, зимнего и летнего, на закупку продовольствия и приправ, на приобретение одежды, обуви и других, важных в хозяйстве, вещей требуют продажи или обмена большого количества овец, которых надо выпестовать и откормить. Но, слава Аллаху, за выросших дочерей они с матерью получают калым от женихов, и Азат растет хорошим помощни-

ком. За время его монолога хозяйка подала на стол глубокую чашку с мелко нарезанным вяленным бараньим мясом, посыпанным сверху колечками лука, и две исходящих хлебным духом лепешки. Хозяин Талгат прекратил знакомить гостя с жизнью его семьи и сосредоточился на степенном поедании мяса с кусочками лепешки. Стаф, таким же образом, то есть, руками брал маленькие щепотки мяса с луком, не спеша отправлял их в рот, отламывал кусочек лепешки и тщательно пережевывал очень калорийную пищу, не забывая запивать ее уже остывшим кипятком. Немного насытившись, Стаф негромко, все так же ломаным языком киргизов, поведал свою придуманную историю с караваном немецкого купца с Гамбурга. Талгат Кулжигит хитро прищурил свои и без того узкие раскосые глаза и спросил гостя:

— Что, твои караванщики тоже одеты в такую легкую одежду, в которую ты одет?

Стаф начал выкручиваться из щекотливого положения, приводя, как ему казалось, неопровержимые доводы про путешествие всю дорогу в утепленной кибитке. Да вот незадача, прихватил у него живот в движении, он выпрыгнул из кибитки, чтобы облегчиться. Но было темно, да и животом долго маялся, пока сидел в позе степного орла. В то время началась поземка, скрыла все следы каравана. Вот он и блуждал по зимней степи, долго блуждал, уже отчаялся, но набрел на следы волокуши, которые привели его к замечательному человеку, Талгату Кулжигиту. На что хозяин зимника отре-

агировал по-своему. Поднял сложенные лодочками ладони рук перед лицом, возвел взгляд кверху и долго что-то бормотал по-арабски. Затем огладил бороду ладонями три раза и уведомил гостя:

– Любит тебя Всевышний, потому и навел на мой дом.

И продолжил совсем другим тоном, обращаясь к хозяйке:

– Жубай (жена), мы поели. Зови детей за стол, пора им тоже отведать настоящей еды.

Жена Талгата подошла к двери и открыла ее, чтобы позвать работающих в хлевах детей к столу. Но вместо приглашающего призыва, из ее уст послышался затихающий крик ужаса и боли. Все еще держась за косяк двери одной рукой, Назира ухватила за торчащую из ее груди стрелу и, падая на руки подскочившему к ней мужу, прохрипела:

– Шайтан Утен со своими каракчы (разбойниками). Кесепет (беда).

И обмякла в объятиях мужа. Талгат одной рукой удерживая умершую жену, другой рукой захлопнул дверь и задвинул железный засов. С помощью старшей дочери он бережно уложил жену на саманную лежанку и дрожащим от волнения голосом призвал гостя вооружиться. Стаф в смятении оглядел помещение, ища оружие. На глаза ему попался кухонный нож, которым пользовалась хозяйка. Не раздумывая, Стаф схватил его и прижался спиной к стене около двери. Набросил на плечи, предложенное старшей дочерью в ответ на его просьбу, белое покрывало. Хозяин зимника покряхты-

вая, достал из-под шкур кривую туркменскую саблю, скинул верхний халат. Крепко опоясал тонкий халат платком жены. Натянул на тубетейку волчий малахай. Там же под шкурами на ощупь нашел круглый деревянный щит. Торопливо делал дела, но основательно. Обратился сразу и к дочери, и к Стафу:

– Сейчас мы с гостем выйдем биться с разбойниками. Ты, Гулай, запишись и никого не пускай в дом, кроме сестер и брата, следи за дымоходом, оттуда может спрыгнуть разбойник, если это случится, стукнешь его крепко по голове палкой. Ты, Стаф, на рожон не лезь. Прячься от верховых за углами строений. Нападай исподтишка и бей наверняка, и сильно. Готов? Пошли.

А с улицы в это время слышен был рассерженный голос предводителя шайки разбойников:

– Выходи Талгат и добром возврати мне долг, если ты откажешься, я полоню твоих детей, а тебя мой лучник пристрелит так же, как он пристрелил твою Назиру.

Стаф первым выскочил из дверей, и мышкой юркнул в сторону ближайшего угла дома. Разбойники даже не поняли, что за белая тень мелькнула из дверей и враз исчезла за углом строения. Хозяин зимника играючи отбил прилетевшую стрелу щитом и коротко ответил на притязания разбойника, стоя спиной к захлопнувшейся двери:

– Кровь пролита, долг уплачен. Уходи подобиру-поздорову.

Утен зло рассмеялся:

— Поговори еще, поговори. Скоро услышишь, как мой сын с балбанами валяет в хлеву твоих девок. Лучник, чего медлишь, давай, засыпь это верблюжье отродье стрелами.

Лучник плаксиво ответил главному разбойнику:

— Дядя Утен, тетива на луке совсем растянулась.

Утен раздосадовано рявкнул:

— Ну, так меняй живее, раззява.

В их перепалку вклинился душераздирающий девичий крик из хлева и громкое испуганное блеяние овец. От этого крика Талгат озверел. Он молниеносно подскочил к предводителю разбойников и, проскользнув перед мордой отпрянувшей было лошади, попутно взрезал ей горло, и с другой стороны достал саблей по сапогу Утена. Замешкавшемуся с перестановкой тетивы на луке племяннику Утена отрубил левую ногу по колено. Тот, побросав и лук и тетиву и поскуливая, сполз с коня на мерзлую землю, и пытался остановить хлещущую из обрубка ноги кровь, обвязывая его запасной тетивой. Утен удачно соскочил с упавшего коня и, прихрамывая, набросился на Талгата с саблей. Стаф промчался мимо спокойно стоящих трех оседланных лошадей и заскочил в открытые ворота длинного хлева. Сразу присел слева от прохода, пытаясь разобрать в потемках хлева происходящее в его глубине. Едва он рассмотрел валявшегося недалеко от него мальчишку с расквашенным в кровь лицом и, со всхлипами пытавшегося встать на ноги, как услышал дев-

чоночий отчаянный крик, доносящийся из правой загородки для овец. Стаф, пригибаясь, чтобы не так сильно была заметна его фигура, быстро приблизился к загородке. Открывшаяся ему картина поразила его до самого сердца своей дремучей жестокостью. Один из напавших бандитов с полным упоением трудился над бесчувственным телом девочки-подростка среди толпившихся вокруг овец. Другой воров заламывал руки и бил по лицу другую девочку. Она то и кричала от побоев и боли. Недолго думая и проникнувшись ярой ненавистью к насильникам, Стаф перепрыгнул низкую оградку загородки и воткнул кухонный нож в спину, борющемуся с девочкой, бандиту. Тот охнул и отвалился от предмета вожделения. Второго насильника постигла та же участь, быть зарезанным кухонным ножом. Даже мертвым бандитам Стаф завязал руки их же суконными поясами. Снятым с себя покрывалом он прикрыл истерзанную девочку, которая была без сознания. Другой, героически сопротивлявшейся, девочке указал на лежащую сестру и корявым киргизским языком сказал, что она жива, но потеряла сознание, и что мальчишку тоже надо сюда привести. Неумело обыскал тела бандитов, нашел два длинных кинжала и одну кривую саблю у них. Саблю оставил себе, а кинжалы отдал девочке с наказом защищаться от разбойников вместе с братом. Он уже подходил к выходу из хлева, когда ему в голову пришли совершенно как будто не связанные между собой воспоминания. Картина недавно прошедшего времени

с тремя оседланными лошадьми без всадников у хлева и наказ Талгата Кулжигита своей старшей дочери о возможном проникновении разбойников в дом через дымовое отверстие в крыше. Стаф приостановился, обдумал всплывшие воспоминания. Понял, где сейчас находится всадник с третьей лошади. Решил разбежаться от хлева и, пользуясь своей прыгучестью и легкой одеждой, с ходу запрыгнуть на крышу дома. А дальше, как пойдет. Он аккуратно просунул лезвие сабли сзади за поясной ремень, чтобы она не мешала ему в движении. Выглянул снизу ворот хлева на улицу. Главный разбойник опять верхом на другом коне кружил перед домом и наскакивал на изворачивающегося, будто уж на сковородке, хозяина зимника. Оба противника не уступали друг другу в сноровке и быстроте ударов саблями. Но было видно, что Талгат Кулжигит выдыхается. В ходе последнего наскока разбойника Талгат отбил скользящий удар его сабли щитом, но не успел увернуться от крупа лошади, и был сбит наземь. Пока разбойник разворачивал лошадь передом к Талгату, тот смог подняться только на четвереньки. И быть бы ему разрубленным напополам, если бы не Стаф. Надвинув черную шапочку на самые глаза и подняв руки над головой, он с диким криком:

– А-а-а!

опрометью бросился к лошади разбойника. Его вид в черной шапке, в черной куртке, в черных джинсах и в белых кроссовках привел в замешательство и главного разбойни-

ка, оглянувшегося назад, и оторвавшегося от проламывания дымового отверстия балбана, с удивлением рассматривающего невиданное в здешних местах черное существо. Талгат на всю катушку использовал выпавшую передышку в схватке. Он обежал дом и по быстро приставленной лестнице поднялся на крышу. Утен, не найдя взглядом Талгата, вбросил саблю в ножны. Раскрутил над головой волосяной аркан, притороченный одним концом к луке седла, и набросил его на безоружное черное существо. Исчадие Ада, как считал Утен, попало. Утен ударил каблуками сапог по бокам лошади, она понесла. Стаф не пробежал и десяти шагов, как был перехвачен петлей аркана в подмышках. Резкий рывок сбил его на заснеженную землю. Его закрутило и быстро потащило прочь от зимника. Но в дело умыкания черного существа вмешались два совершенно противоположных действия. Во-первых, с крыши саманного дома послышался истошный крик балбана:

– А-а-ма-ан! (Пощади, сдаюсь! – кирг.)

немедленно перешедший в сдавленный хрип. Изумленный Утен натянул поводья и притормозил коня. Во-вторых, мгновением ранее, бедро Стафа, освобожденное задранной курткой, зацепилось частью джинсов и брючным ремнем за утренний злополучный колышек. Поэтому в этот краткий момент приостановки стремительного волочения Стафу удалось опустить руку на рукоятку, никуда не девшейся в этой круговерти, трофейной сабли. И когда волочение

на аркане возобновилось, Стаф потянул саблю на волю. Ее лезвие разрезало кожаный ремень. Зацепившиеся за колышек джинсы с треском порвались по самое не хочу, и слетели до щиколоток. Ноги мгновенно покрылись мелкими и глубокими царапинами. Удерживая саблю двумя руками и махая ею по ходу волочения, Стаф вслепую пытался попасть по натянутому, как струна, волосяному аркану. Через время это ему удалось. Он остановился в снегу. Хотя избитое и поцарапанное тело казалось изжеванным, и болела каждая его клеточка, Стаф незамедлительно натянул сбившиеся джинсы вместе со снегом на многострадальные ноги. Снятой с подмышек петлей аркана затянул крепким узлом пояс джинсов. Одернул куртку и огляделся. С двух противоположных сторон к нему приближались одиночные всадники. На крыше Талгат зарубил просящего пощады разбойника с легким сердцем, а нечего нападать на мирных кочевников зимой и убивать ни в чем не повинную женщину. Кровь за кровь, смерть за смерть! Краем глаза заметил волочащегося за конем Утена гостя-иностранца на аркане. Справедливо рассудил, гостю надо помочь. Для коренного кочевника в нескольких поколениях не составило труда за краткое время изловить из оседланных лошадей одну, помоложе. Не медля ни секунды, Талгат Кулжигит прищипорил коня, тот поскакал вслед за лошадыю Утена. Расстояние медленно сокращалось. Вдруг произошло небывалое. Утен все так же удалялся, а влекомое на надежном волосяном арка-

не тело ни с того ни с сего остановилось. И вставший на ноги человек начал натягивать сползшие ниже колен штаны. Талгат прибавил ходу мохнатой лошадке. Утен, почувствовав легкий ход коня, развернулся в седле и увидел отцепившегося от аркана черного человека. Злость на неудавшийся грабеж, на бестолковых и неповоротливых подвластных балбанов подстегнула рвение Утена к немедленному уничтожению бывшей жертвы. С силой натянув поводья, он развернул лошадь в обратном направлении. Камча так и ходила по бокам бедного коня. Но, не судьба, к черному человеку со всех лошадиных ног спешил на выручку, теперь не должник и родственник, а враг навеки, кипчак Талгат. Еще раз, резко развернув лошадь и заскрипев зубами, Утен бросил исчезнувшего в хлеву сына и балбанов на произвол судьбы и поскакал домой. Стаф, переводя дух, с удовольствием наблюдал за, резко прибавившим ход, конем с хозяином зимника и за поспешным отступлением главного разбойника. Остановившись рядом со Стафом, Талгат с серьезным видом поздравил гостя с освобождением из разбойничьего плена и поинтересовался, каким способом тот сумел избавиться от аркана. Стаф поднял из снега такую же саблю, что и у Талгата, и показал ему. Перегнувшись с седла, Талгат хлопнул Стафа по плечу:

– Наш каарман аскер. (Каарман аскер – доблестный воин. Кирг.) Снимай куртку, постели спину лошади позади седла и прыгай на нее.

Неторопливой рысью Талгат привез Стафа до зимника. Здесь уже вовсю распоряжалась Гулай. Вместе с сестрой Динарой и братом Азатом, лицо которого было замотано белым куском материи, они раздевали донага мертвых бандитов. Их тела стаскивали в одну кучу, а одежду, обувь, малахаи и оружие в другую кучу. Стаф заметил в куче мертвых тел и бандита с отрубленной ногой, у того было перерезано горло. Стаф обратился с просьбой к хозяину зимника:

— Уважаемый Талгат Кулжигит, штаны мне надо, мои полный швах.

Талгат усмехнулся:

— Не только штаны. Зима. Тебе одеться надо, как мы одеты. Динара подбери чистую одежду и обувь для нашего аскера. Где измарано и порвано, вымой и зашей. Азат, расседлай лошадь, поставь ее к товаркам в хлев на проходе, задай корма и напои их. Мы с аскером шкуру и мясо с убитой лошади добудем, пока она теплая. Ты, Стаф не смущайся, возьми из кучи штаны себе. Переоденься в доме.

Пока Стаф подбирал штаны, Талгат собрал все оружие бандитов в охапку, и они направились в дом. В своем углу в доме Стаф скинул с ног мокрые кроссовки и джинсы и собирался натянуть кожаные штаны, снятые с разбойника. Следом вошла Гулай с изрядной кипой одежды и обуви, начала хлопотать по дому и около не приходящей в сознание младшей сестренки, все время изредка бросая взгляд в его сторону. А когда увидела частые кровавые полосы на ногах

их гостя, то, следуя женской природе, воскликнула:

– Отец, нашему гостю срочно необходимо обеззаразить раны на ногах.

Талгат раскладывал сабли и кинжалы по сундукам, обернулся и глянул на ноги Стафа:

– Ай, молодец, Гулай. Усмотрела беду. В том сундуке возьми бутылку с аракой и отдай Стафу. Пусть протрет свои царапины и быстро надевает штаны. Мы идем свежевать лошадей.

И вышел из дому. Стаф с благодарностью принял из рук Гулай бутылку с водкой. Выливал на пригоршню чуть-чуть водки и с шипением, щиплется зараза, протирает кожу ног. Закрыв бутылку той же затычкой, что там и была, и отдал драгоценный сосуд стоящей рядом Гулай. Одел мягкие кожаные штаны, подпоясался той же петлей волосяного аркана, ноги всунул в подходящие по размеру трофейные красные юфтевые сапоги с деревянными каблуками, надел в рукава, протянутый ему Гулай, починенный Динарой халат разбойника, на голове оставил свою уже высохшую шапочку. Подхватил с дастархана, оставленный Талгатом нож для него, и выскочил на улицу. Хозяин зимника давно приступил к разделке туши убитой им лошади. Нож в его руке так и мелькал. Попрятавшиеся было во время ожесточенной схватки людей по щелям и закоулкам зимника, собаки, в количестве трех штук, с урчанием рвали подкинутую Талгатом требуху и сочно грызли огромные мослы с остат-

ками лошадиного мяса. На полуснятой шкуре с одной стороны туши Талгат складывал сочащиеся кровью куски мяса и внутренностей. Азат с палкой зорко охранял от собак мясное изобилие. На долю Стафа выпало перетаскивать куски мяса в дом. Там девочки, Гулай и Динара, развели сильный огонь в очаге и в большом казане грели воду для варки конины. После долгожданной команды хозяина зимника о прекращении заготовки мяса, мужчины загрузили тела бандитов и остатки неразделанной туши лошади на подтащенную волокушу. Впрягли в нее фыркающую от запаха крови мохнатую лошадь и, поторапливая её камчой, время двигалось к сумеркам, направились в степь по следам разбойников. Талгат сказал, что три чакырым зимой, достаточное расстояние от зимника, чтобы этой падалью не пахло возле жилья. (Чакырым – расстояние, на протяжении которого слышен крик человека. Кирг.). Примерно равно одной версте /1,06 км/. Свалили в снег неприятный груз. Обратно ехали на волокуше. Прибыли. Талгат опять велел Азату заняться скотиной и ее кормежкой, а Стафа попросил помочь ему выкопать могилу для убитой жены. Место он выбрал на восточной стороне зимника, недалеко от дороги. Копали кетменями. Мерзлый грунт неохотно откалывался маленькими комами земли. Но упорный Талгат с не менее упорным Стафом безостановочно долбили и ритмично выбрасывали из постепенно углубляемой ямы куски мерзлой почвы. Наконец добрались до мягкой земли. Немного отдохнули.

И с ожесточением, за небольшой промежуток времени, закончили копать. Стаф до того вымотался, что когда присел с вымытыми руками к дастархану, то глаза его начали сами собой закрываться. Он насильно проглотил отваренное мягкое горячее конское мясо, запил его бульоном и, махнув Талгату рукой, типа пока-пока, еле переставляя, налитые будто свинцом, ноги, добрал до своей лежанки. Подложил под голову свернутую свою куртку и мгновенно уснул. Что происходило далее в помещении и чем занимались члены семейства почтенного Талгата, его уже не волновало. Похоронили мать семейства, хорошую женщину Назиру, жену Талгата Кулжигита по мусульманскому обычаю на следующий день вместе с младшей дочерью Минатгуль, умершей ночью от большой потери крови, так и не пришедшей в себя, в одной могиле. Почерневший от свалившегося горя Талгат прочел полагающуюся молитву над усопшими. Завернутые в саван тела матери и дочери осторожно опустили в яму и засыпали землей. Место захоронения Талгат с сыном огородили деревянными оградками, принесенными из хлева. Дети Талгата тихо плакали. Даже у Стафа и, казалось бы, хладнокровного хозяина зимника блестели глаза от непролитых слез. Природа тоже как бы прониклась похоронным настроением семейства. Небо быстро нахмурилось, поднялся сильный ветер, с небес посыпались крупные снежинки, укрывая белым покрывалом место упокоения жертв насильственной смерти. В этот день все молчали. Ухаживали за скотиной,

молчали. Готовили еду, молчали. Стирали белье и вычищали трофейную одежду, молчали. Кушали за дастарханом, молчали. Только изредка был слышен надтреснутый голос Талгата Кулжигита, читавшего короткие молитвы на арабском языке. После захода солнца в доме раздался голос хозяина зимника, разрешившего громко разговаривать. Он пригласил Стафа и своих детей к дастархану, заставленному различной едой, и предложил обсудить дальнейшую жизнь.

Г Л А В А 5

Начало 1870 года на территории Российской Империи ничем от предыдущих зим не отличалось. Также дули ветра, наметая в центральных, сибирских и дальневосточных губерниях глубокие сугробы снега. Повсеместно трещал мороз, где небольшой, а где очень крепкий.

В ночь с третьего на четвертое января одна тысяча восемьсот семидесятого года тридцатитрехлетняя замужняя женщина Арина Васильевна Брянкина сладко заснула под боком мужа, капитана пехотной роты Тамбовского 122 пехотного полка, дислоцировавшегося под Харьковом. Начальник полка, его высокоблагородие полковник Фридрихс Владимир Евстафьевич был сильно озабочен внезапной болезнью назначенного офицера для отбора в новформируемый особый отряд пластунов с Уральского казачьего войска подходящих воинов и сопровождения их к месту квартирования полка. Посоветовался со штаб-офицерами полка и назначил для этого ответственного дела командира первой пехотной роты Брянкина Никифора Ефимовича. Он так прямо и сказал вызванному командиру роты:

– Ты, капитан, сам одно время состоял начальником такого отряда, тебе и карты в руки. Возможно, по пути, родственников проведаешь в Тамбовской губернии, но дела в первую очередь. Жду благополучного твоего возвращения с попол-

нением к осени этого года. Разумеешь?

Командир роты, смотря прямо в глаза любимому солдатами и офицерами начальнику, браво отвечал:

— Рад стараться!

Владимир Евстафьевич вышел из-за стола и подошел к стоящему по стойке смирно капитану, оглядел его с ног до головы:

— Вольно, капитан. Верю, что будешь стараться, да и что рад, тоже вижу по твоим загоревшимся глазам. Когда, говоришь, виделся с крестным отцом последний раз?

Никифор без утайки отвечал:

— В Севастополе, летом пятьдесят третьего года.

Начальник полка продолжил расспросы:

— Все ли в семье живы, здоровы? Как дети растут? Старший сын Иван, поди, заканчивает гимназию? Жив ли твой крестный отец, Петр Григорьевич?

Капитан Брянкин расслабился:

— Благодарение богу, ваше высокоблагородие, все живы и здоровы. Дети исправно в гимназию ходят. От Петра Григорьевича получаем письма. Жив еще, старый вояка. Позвольте поправить Вас, господин полковник, старший сын у нас с Ариной, Евстафий, он на обучении в Европах, тесть в трудные времена отправил его туда на воспитание.

Начальник полка покровительственно похлопал капитана по золотому погону:

— Бог в помощь! Забирай в канцелярии бумаги по отряду

и предписание. Доброго пути капитан!

Брянкин вытянулся, щелкнул каблуками сапог и, про-
вожаемый задумчивым взглядом начальника полка, вышел
из его кабинета. Начальник полка многое знал про боевого
офицера Брянкина из его послужного списка. И про его кре-
стьянское происхождение. И про хлопоты управляющего по-
мещичьим имением Петра Григорьевича Брянкина при вы-
купе крепостного Никифора у Чичерина Паисия Алексан-
дровича. И про службу вольноопределяющимся в Морском
Флотском Экипаже в Севастополе в самый разгар Крымской
войны. Где он показал себя с самой лучшей стороны, как
пластун и разведчик. И про откомандирование его с Мор-
ского Флотского Экипажа в 1857 году на учебу в Михай-
ловский Воронежский кадетский корпус по ходатайству ко-
мандира первой учебной роты, капитана второго ранга Тре-
тьякова Павла Алексеевича. Со своим старым знакомым,
в то время бывшим директором кадетского корпуса гене-
рал-лейтенантом Павлом Николаевичем Броневским пол-
ковник Фридрихс встречался год назад и выведал подробно-
сти учебы своего командира роты Брянкина. Павел Никола-
евич с искренней теплотой отзывался о великовозрастных
кадетах Брянкине и Малеванном. Об их отменном физи-
ческом здоровье, беспримерной выносливости, адском тер-
пении и хладнокровии при выполнении строевых приемов
и при усвоении знаний по учебным предметам. Отметил ха-
рактерную черту кадета Брянкина в четком исполнении по-

лученных команд. А про стрельбу из штуцера без единого промаха сказал, что близкий друг Брянкина, Малеванный стал в этом упражнении живой легендой кадетского корпуса. Полковник Фридрихс от генерала Броневского узнал, что выпущены были кадеты Брянкин и Малеванный через два года учебы при примерном поведении в корпусе по первому разряду подпоручиками в 25 Севастопольский пехотный полк. Далее, уже по рассказам самого Брянкина, он исполнял в полку разные должности. Заведовал учебной командой, был членом полкового суда. Некоторое время исполнял обязанности полкового квартирмейстера. За храбрость и отличное командование сводным особым отрядом пластунов в деле с убыхами между Псезуане и Шахе был отмечен чином поручика начальником полка полковником Гейманом Василием Александровичем. Пластуны Брянкина одетые в форму номер восемь, что добыли, то и носим, обходным фланговым маневром проникли в тыл тысячному войску убыхов. Метким, шквальным огнем из засад нанесли горцам невосполнимые потери, отчего те резко расхотели наступать на солдат Доховского отряда и беспорядочно отступили в густые горные леса. За отменную храбрость и разумное предводительствование отрядом, за примерную личную отвагу при взятии аула Хамыши он был представлен командованием к награждению орденом Станислава третьей степени с мечами. Который и носил теперь постоянно на мундире с серебряным солдатским Георгием, полученным за оборону Севастополя.

Никифор, намаявшись на службе в преддверии новогодних праздников и получив внезапное назначение начальника полка на убытие в длительную командировку на Южный Урал, в город Уральск, пришел домой на съемную пятикомнатную квартиру с гудящей от нервозности головой. Поздний ужин ему накрывала на стол сама Арина, горничную она старалась отправлять домой пораньше, после обслуживания детей, вернувшихся с учебы в школах и гимназиях. Проснулся он среди ночи внезапно, от тихого плача жены:

– Что дорогая, что тебя тревожит? Из-за чего плачешь?

– Так, миленький мой Никифорушка, сон мне приснился, яркий такой, вразвешенный. Будто я незримо присутствовала в том сне и ясно видела выросшего нашего первенца, Евстафия, в чудной одежде. Он в снежной степи был заарканен злым киргизом. Сам освободился из плена с помощью кривой сабли и при содействии доброго старика возвратился к тому домой.

– Хм. Аринушка, а ты не припомнишь, какое сегодня наступило число календаря?

– Вчера было третье января, значит сейчас уже идет четвертое число. Батюшки мои светы, так сегодня семнадцать стукнуло нашему Евстафию! Значит, тятенька правду говорил про возвращение нашего сына через семнадцать лет. Вот почему я увидела моего сына повзрослевшим и в чужеземной одежде. Только почему он оказался в какой-то степи, среди узкоглазых киргизов?

– Ты сама на свои вопросы и ответила. Я очень рад возвращению нашего сына на нашу землю. Дай Бог, чтобы случилось это взаправду! Что до узкоглазых киргизов, то мы потом с этим разберемся. А чего плакала-то?

– Ты бы видел его поцарапанные снегом до крови ноги, сам бы опечалился.

– Ничего, жена моя, мужчину раны и царапины украшают. А такие раны до свадьбы заживут. Что еще интересного видела в своем вещем сне?

Задумалась Арина, припоминая всколыхнувший ее сознание сон, тихим голосом рассказала мужу о бескрайней степи, покрытой снегом. О мелких лохматых лошадях, на которых передвигались злой и добрый киргизы. О красивом высокого роста юноше, ликом своим и статью напоминавшем отца его, Никифора, в молодые годы. На вопросы мужа о каких-нибудь постройках и насаждениях деревьев отвечала, что таковых в ее сне не было. Никифор посмотрел на взятый с прикроватного столика хронометр, который показывал пять утра. Пора было вставать и заниматься сборами в дорогу.

– Хорошо родная, поговорили и легче на душе стало. Пойду в роту, собираться в дорогу. На нашу встречу с сыном буду иметь большую надежду. Ты молись о ниспослании божьей благодати сыну, если это он, то молитвы твои должны помочь ему в обретении семьи. Арина с поселившейся в сердце радостной перспективой неминуемой встречи с сы-

ном, мимолетно поцеловала мужа в щеку и, мурлыкая в нос какую-то веселую песенку, поспешила на кухню, греть чай и жарить яичницу для мужа и детей. Город, разукрашенный елками у кабаков и еловыми ветками над дверьми домов после торжеств, посвященных Рождеству Христову и готовившийся к празднованию нового года, выглядел раздобревшим и красивым. Валы сугробов белого искристого снега обрамляли главные улицы и расчищенные тропки между строений. Тройки с пассажирами, дровни с соломой и дровами, простые деревенские сани, запряженные различными видами лошадей, где быстро, где медленным шагом передвигались по городу. Никифор Ефимович вдохнул морозный воздух полной грудью, эх, хороша погода! В роте капитана ждал сюрприз. Унтер-офицеры, с вечера озадаченные командиром роты, к утру подготовили и лошадей, и сани, и припасы вместе с возничими и конвоем, готовых по первому требованию выехать к месту назначения. Брянкин, перед солдатским строем роты поблагодарил ветеранов унтер-офицеров и солдат, быстро и добротнo снарядивших санный обоз. Денщик Савелий, завернутый в тулуп, подвинулся малость, давая капитану пробраться на противоположное место в утепленном возке к Генерального штаба поручику Васильеву. Никифор стукнул кулаком в переднюю стенку возка три раза, подавая команду возчику трогать. Поход в Оренбург начался.

Г Л А В А 6

Его высокопревосходительство, генерал-майор Веревкин Николай Александрович, наказной атаман Уральского казачьего войска сидел в кабинете в глубокой задумчивости. Было от чего задуматься. Циркуляры военного губернатора Оренбургского генерал-губернаторства строго указывали на неукоснительное исполнение охраны и обороны укреплённых линий по рубежам соприкосновения с враждебными кочевыми племенами азиатских ханств. Однако вооружённые шайки туркмен, киргизов и всевозможных враждебных кочевников прорывались с киргиз-кайсацкой степи на территорию, контролируемую русскими войсками. Разоряли склонившихся к России местные племена и дружелюбные айлы. Грабили скот и угоняли в рабство пленников. Иной раз даже нападали на крепостицы русских сторожевых линий. Подобного рода донесения ежедневно приносил ему старший делопроизводитель правления Уральского казачьего войска. По этим донесениям он принимал решения на проведение ответных рейдов казаков для уничтожения бандитов или для их преследования. А тут, как глоток свежего воздуха, внесший разнообразие в серые служебные будни, рапорт сотника Нечаева о задержании юного одинокого всадника, русского, православного вероисповедания. По словам юноши, он вырвался из лап разбойников и очень

желает получить военное образование, чтобы профессионально противоборствовать разбойничьим шайкам в составе регулярной армии России. Юноша назвался Брянкиным Евстафием Никифоровичем. Недолго думая и в обход принятых норм, Николай Александрович нанес благожелательную пометку на рапорт сотника, «главному адъютанту есаулу Арсентьеву Александру Ильичу, оформить кандидатом на обучение в Неплюевскую военную гимназию. Подготовить кандидата к беседе со мной через два дня. По итогам беседы составить необходимые документы для поступления в военную гимназию».

В камере предварительного заключения гарнизонной гауптвахты города Уральска на мягком соломенном матраце с такой же подушкой под шерстяным солдатским одеялом спал сном младенца задержанный в степи нарядом сотника Нечаева юноша. Железная решетчатая дверь камеры выходила в коридор и находилась прямо напротив окошка комнаты начальника караула. Юноша спал в чистом солдатском нательном белье. Его одежду степных киргизов начальник караула распорядился полностью снять и отдать прачке в стирку. Взамен выдали форму уральского казака хотя и бывшую в употреблении, но чистую. Туркменскую саблю и кинжал юноши начальник караула принял у сотника Нечаева под роспись и приказал хранить в ружейной комнате. После побудки в шесть часов утра все содержащиеся на гауптвахте солдаты, казаки и унтер-офицеры вышли на внутренний дво-

рик для переключки и утреннего моциона. Евстафия никто не потревожил. Распоряжением старшего адъютанта есаула Арсентьева данный индивид находился на гауптвахте в качестве гостя. Поэтому на него не распространялись установленные воинские порядки для нарушителей воинской дисциплины. С главной площади города слышался утренний перезвон колоколов православного собора святого Александра Невского, следом слышались колокола старого единоверческого Михайло-Архангельского собора. Молодой караульный казак с маленькой бородкой в помещении гауптвахты открыл КПЗ и тихонько потряс за плечо, спавшего без задних ног, Евстафия:

– Вставай паря. Одевайся. Лицо, руки сполосни, и я провожу тебя на помывку в баню.

Очнувшийся ото сна Евстафий быстро сориентировался: – Спасибо казак. Я мигом.

Уж, про что, а про сапоги с портянками Стаф наслушался и от тетушки Лианы и от пацанов в школе, но воочию ни разу не видел. А тут добротные юфтевые сапоги с обмотанными вокруг голенищ портянками у стеночки стоят. А пол то земляной, холодный, несмотря на тощий слой сухой соломы поверху. Стаф прокашлялся и поднял на караульного глаза:

– Простите, а как мне к вам обращаться? Ой, не это хотел сказать. Давайте познакомимся, меня зовут Стаф. А вас?

– Вообще-то Сенькой кличут, а имя родители мне дали Александр. Я навроде тезки великому полководцу Алексан-

дру Македонскому. Слышал про такого?

Стафа задело за нутро чужое бахвальство, он на несколько минут позабыл, где находится. И сам решил повыеживаться:

– Слышал. И даже выучил почти наизусть его биографию и его великие дела по завоеванию мира. А у меня полное имя Евстафий, такое же имя носил древний правитель Римской Империи, по-ихнему цезарь. Вот.

Стаф увидел выпученные от любопытства глаза молодого казака, ему стало совестно, что он начал хвастаться чужими заслугами. Поэтому он вновь попросил прощения и честно, по-товарищески, произнес:

– Александр, пожалуйста, покажи мне, как надеть правильно сапоги с портянками. Я ведь вижу их в первый раз.

Казак тоже принял серьезный вид и молча показал на себе, как надо снимать сапог и разматывать портянку, и тоже самое, в обратном порядке. С грехом пополам Стаф обулся, потопал ногами по полу. Вроде нормально сели сапоги, не жмут и не болтаются на ногах. Здесь же, в камере, помыл в принесенном тазике с водой руки, ополоснул лицо, вытерся чистым суконным полотенцем. Поспешно, но аккуратно, привел свой внешний вид в надлежащий порядок и потопал за караульным на улицу. От одноэтажного здания войсковой гауптвахты до бани купца Махорина казак Александр довел Стафа быстро. На приставания уличных попрошайек в рваных халатах и волчьих малахаях казак не обращал внимания. То же самое посоветовал и Евстафию. В бане народу было

мало, по причине рабочих дней. Вот в субботний день здесь было не протолкнуться. Казак заплатил за помывку одного человека в кассу на входе и показал Стафу, что можно заходить. Стаф никогда прежде не ходил в общественные бани и имел смутные представления о порядке помывки. Но он был приятно удивлен, когда вошел в помещение для ожидающих принятия банных процедур. Молодой человек, специально поставленный хозяином заведения в приемном помещении, вручил Стафу сухой березовый веник, кусочек коричневого мыла и шайку для воды, рассказал, куда двигаться дальше, где раздеваться, где мыться, где париться. В бане было чисто и жарко. Стаф с удовольствием смыл с себя грязь и пот последних дней. Царапины и ранки на ногах подсохли и зарубцевались. После парилки красный, как вареный рак, Стаф увидел, что струпья ранок отпали и на их месте образовались розовые полосы молодой кожи. Проходящий по бане банщик предложил Стафу подстричься, но Стаф отклонил предложение, подумав, что за эту услугу надо платить. Прихваченным с собой полотенцем вытерся, оделся и чистым вышел к замерзшему Александру.

– Спасибо тебе огромное Саша за помывку. Я прямо человеком себя почувствовал. А то, пахло от меня, наверное, как от лошади.

– Это ты, Стаф, верно подметил. Вонял ты изрядно. А спасибо не мне надо говорить, а старшему адъютанту войскового атамана есаулу Арсентьеву. Он такой наказ дал нашему

начальнику караула, чтобы тебя отмыли, накормили и одели, обули в нашу форму, потому как через день с тобой будет беседовать сам атаман, генерал Веревкин.

– С чего это мной заинтересовался сам атаман?

– А я почему знаю. Вот побеседует он с тобой, там и узнаешь.

Пока шли обратно, Стаф прокручивал в голове разные варианты внезапного интереса атамана к его персоне. Но на всякий случай, решил поддерживаться уже проверенной легенде с немецким купцом. Так, он обязательно спросит фамилию купца. Хм, подумал Стаф, назову его Гансом Мюллером, а я, стало быть, бедный студия из Франции, решил, таким образом, с караваном купца возвратиться домой, в Россию, чтобы найти своих родителей, которые отдали меня в младенчестве на воспитание французской семье. Да, не забыть бы горячо попросить атамана, чтобы он отправил учиться в военную школу. Хочу приносить пользу России, и баста. За раздумьями дорога на гауптвахту прошла незамеченной. Стаф полюбопытствовал у Александра распорядком службы караула на гауптвахте, так как ему все было в новинку. Казак посоветовал ему поменьше вызнавать военные тайны, а просто присматриваться к тому, что явно видно. По поводу обеда сказал, что в полдень он придет за ним для сопровождения в столовую. Насчет книжек пообещал, что узнает у начальника караула. Через несколько минут ожидания Стафу принесли памятки казакам по ведению обороны,

по ведению атаки, по уходу за строевыми лошадьми, по ведению эскадронного хозяйства и так далее и тому подобное. Стаф скинул верхнюю одежду казаков, халат из верблюжьей шерсти, на край лежанки, поверх одеяла. Примостился на табуретке у двери и начал читать принесенные ему книжки. Не успел прочитать и половину одной памятки, как казак Александр гаркнул над ухом:

– Обед, казак!

Встреппенувшийся Стаф с немым вопросом посмотрел на Александра. Тот чуть стушевался, что казацкой шуткой, внезапно кричать над ухом ничего не подозревающего сослуживца, мог ненароком обидеть опекаемую главным адъютантом персону. Но глядя на улыбчивое лицо Евстафия, вопросительно смотревшее на него, с облегчением добавил:

– Пошли обедать, пока на раздаче очередь маленькая. Вот тебе котелок с ложкой и кружка латунная, смотри не потеряй! Помоешь после еды и положишь в походный сидор, что давеча я тебе спроворил.

Долго уговаривать Стафа не было нужды. Втянувшийся к позвонкам живот давно перестал петь тоскливую песнь голода. Но как только Стаф встал на ноги, тут же заурчал, словно довольный кот. Александр это услышал и сразу отреагировал:

– Смотри-ка, прямо как у меня в молодые годы. Организм знает, что ты его сейчас накормишь, поэтому радуется таким образом.

Стаф только угукнул, засовывая ложку в голенище сапога. На раздаче дородный казак-артельщик с окладистой бородой в белом переднике наливал суп и накладывал кашу в подставленные котелки и крышки котелков по установленной начальником полка норме. Помощник артельщика, такой же крепко сбитый казак, с пышной черной бородой, тоже в переднике, раздавал порезанные ломти черного хлеба и сыпал по две ложки мелко порубленного вареного мяса в суп. Пояснял непонятливым, что кипяток будет раздавать после обеда. Нагруженные едой Александр с Евстафием прошли под навес за общий стол. Нашли свободные места, уселись и с волчьим аппетитом, но аккуратно, опустошили котелок и крышку котелка от еды. Освободили места для вновь прибывших с полными котелками казаков. Стаф, облизывая засаленные губы, лишь сейчас обратил внимание на суп и кашу. Очень вкусный суп оказался наваристой лапшой с говяжьим мясом, а каша, разваренный горох с подливой, вообще была выше всяческих похвал. Отдуваясь после сытного обеда, Стаф спросил своего провожатого:

– Александр, это что, так каждый день вас кормят?

– Нет, Стаф. Это ерунда по сравнению с рыбным днем. Вот тогда кормежка, так кормежка! И рыба всякая, и икра, и разносолы в виде соленых грибочков и огурчиков. Вот это, да! Мы ж уральские казаки, рыбные люди. И ловим ее много и кормимся ею. Вот через пару-тройку дней несколько обозов в столицу пойдут, повезут зимний улов осетра и стерля-

ди, да еще немного бочонков засоленной икры к царскому столу. Вот! Меня только в конвой не взяли, молод я еще для такого дела, говорят. Ну ладно, на следующий год до самого атамана дойду, но с конвоем пойду. Ведь так охота на столицу, царских людей посмотреть и себя показать.

Александр удрученно вздохнул и добавил:

– Не в службу, а в дружбу прошу, если атаман будет спрашивать тебя об обхождении с тобой казаков, то говори, все как было, и не забудь передать ему мою убедительную просьбу, чтобы я в следующем году попал в царский обозный конвой.

Стаф с серьезным видом отказал казаку выполнить его просьбу, обосновав отказ своей незначительной ролью скромной особы, сказал, что он сам здесь на птичьих правах и заявил о необходимости заняться физическим трудом, а то на лежанке все бока отлежал. Александр хмыкнул неопределенно, но головой кивнул утвердительно. Подошли к месту выдачи пищи. Теперь здесь почти никого не было. Александр обратился к помощнику артельщика:

– Господин урядник, разрешите обратиться?

Бородатый урядник взглянул исподлобья:

– Слушаю приказный. Чего хочешь?

– Вот подопечный господина главного адъютанта, есаула Арсеньева желает поработать. Не найдется у вас для него какой-либо работенки?

Урядник после такого ответа и заданного вопроса уже ми-

любопытно посмотрел на Александра, а затем, прищурив глаза, критически оглядел Евстафия. И задумчиво так проговорил:

– Широко в кости, это да, да тощ уж больно сильно. Ну, ладно, до ужина он будет работать у меня. Ты, приказный, свободен!

Александр подмигнул Стафу глазом, лихо развернулся кругом, и был таков. Урядник вперил взгляд в глаза Стафу:

– Так, молодой, отвечать коротко и по делу. Что, заставляют работать или сам напросился?

Стаф принял строевую стойку, как учили в школе на ОБЖ и четко отрапортовал:

– Будущий ученик военной гимназии Евстафий Брянкин. Работать напросился сам.

Урядник при выслушивании ответа Стафа тоже подобрался и потеплевшим голосом произнес:

– За толковый ответ хвалю, посмотрим, как с работой будешь справляться. Вон куча напиленных чурок и сучья сухие, надо заготовить дров на вечер и утро. Ты руби, я скажу, когда хватит. Топором владеешь?

Стаф коротко ответил:

– Да.

Урядник вытащил с ящика, что стоял под столом, брезентовые рукавицы и топор нормального размера:

– Вот верхонки и топор. После работы все чистое вернешь мне. Понял?

Стоявший истуканом, Стаф опять ответил одним словом:

– Понял.

Работал Стаф, сняв верхнюю одежду, неспеша, сразу не растрачивая силы, так, как учил его старый казак Орлов Тимофей Пантелеевич. Топор в его руке мерно тюкал, то по расщепляемым чуркам, то по веткам сухого дерева, отделяя дрова одинаковой длины. Горка дров незаметно росла. Некрепкий мороз совершенно не ощущался. Работа была Стафу в радость. Легкий шум у походной кухни и пункта раздачи пищи отвлек его от рубки дров. Стаф воткнул топор в подставочную чурку, снял рукавицы, вытер набежавший пот со лба тыльной стороной ладони и посмотрел в ту сторону. Там какой-то казацкий офицер, ведя в поводу красивого вороного коня, подошел к уряднику и на повышенных тонах распекал его. Затем послышался зычный голос урядника:

– Евстафий Брянкин, с имуществом ко мне.

Стаф торопливо оделся, затянул кушак на поясе шерстяного халата, засунул топор топорищем сзади спины за кушак, отряхнул рукавицы и скорым шагом направился к уряднику. За отмерянное расстояние еще Тимофеем Пантелеевичем Орловым до начальника перешел на строевой шаг. Остановился за три шага от него. Руки вытянул по швам и доложил звонким басом:

– Господин урядник, Евстафий Брянкин по вашему приказанию прибыл.

Казацкий офицер и урядник восторженно смотрели на отрапортовавшего Стафа. Первым прервал затянувшееся

молчание урядник:

– Говорил я вам, ваше благородие, Евстафий наш человек, настоящий казак.

– Согласен с тобой Орлов. На первый взгляд, в самом деле, мы видим образцового казака в строевом отношении, а по остальным делам надо бы его проверить досконально. Это на тебе Орлов. А тебя, Брянкин, я хочу спросить вот о чем. Ты сам напросился работать на кухне или тебя кто заставил, а?

Стаф не видел воинского звания офицера, на том была надетая черная войлочная бурка, закрывавшая погоны, поэтому ответил так, как величал его урядник Орлов:

– Сам напросился работать, ваше благородие.

Офицер продолжил:

– И как тебе такая работа?

Стаф, не задумываясь, ответил:

– Нравится, ваше благородие.

Офицер нахмурился:

– Что, ты согласен всю жизнь колоть дрова и наслаждаться этим трудом?

Стаф не собирался распинаться по поводу того, что все работы хороши и с любой из них можно прожить неплохую жизнь, поэтому ответил в духе своих мечтаний и поучений тетушки:

– Я любой работе рад, но главная моя работа должна заключаться в служении Отчизне. Желаю выучиться на офи-

цера и воевать с врагами России.

Урядник подбадривающе помотал головой и подмигнул Стафу. Офицер внимательно всматривался в лицо Стафа и, не найдя в нем признаков лукавства и похвальбы, с чувством удовлетворения произнес менее суровым голосом:

– Похвальное желание. Стоять вольно Брянкин. Орлов проводи меня немного.

Офицер и урядник развернулись и пошли в направлении города с левой стороны лошади, ведомой в поводу.

– Ты, Орлов, получается, сам напросился быть наставником сего недоросля. Что ж, тебе, искушенному в службе, он и доверяется. Завтра всего один день остается до беседы юноши Брянкина с его высокопревосходительством наказным атаманом генералом Веревкиным, поэтому прошу тебя, Орлов, поучи мальчика уму-разуму казацкому при беседах с начальством, да напomini ему, что можно говорить атаману, а чего нельзя. Про обмундирование одно скажу, что б было чистое и никакого оружия не выдавать ему на руки до беседы. Потом посмотрим, какая будет команда начальства. Постой ему определен на местной гауптвахте, так что, сдаешь его туда сам и сам же забираешь у начальника караула. Все понял, Орлов?

Урядник почувствовал расположение начальства к своей персоне в столь доверительном разговоре, поэтому ответил просто:

– Как не понять, ваше благородие. Обучим в лучшем виде

мальца.

Офицер лихо запрыгнул в седло и оттуда прокричал:

– Послезавтра, с утра в войсковое правление прибыть с Брянкиным.

Урядник молча приложил правую руку к обреза папачи, отдавая воинскую честь убывшему офицеру и показывая этим, что он исполнит указание старшего адъютанта.

У Стафа вслед за мыслями о предстоящей беседе с войсковым атаманом всплыло в голове что-то знакомое при обращении офицера к уряднику. Он напряг мозг и в голове прозвучал голос офицера, называющего урядника по фамилии. Орлов! Так, и моего наставника казацкого в Москве фамилия такая же была, подумалось Стафу. И он решил порасспросить урядника о его родственниках, чтобы быть уверенным в своих предположениях и держаться поближе к ним, потому как, по словам Тимофея Пантелеевича, все они были героями. День прошел в трудах праведных. Стаф таскал воду из привезенной седуусым казаком бочки. Заливал ее в котлы под присмотром артельщика вахмистра Ивлева. Подбрасывал дрова в топки котлов. Помогал подавать на разделочный стол помощнику артельщика уряднику Орлову каравай недавно испеченного хлеба. Вообще крутился как белка в колесе, но огрехов в работе не допускал. К вечеру с пришедшим на ужин Александром откусал вкусную стряпню Ивлева. Поделился с ним своими наблюдениями:

– Знаешь, Александр, я удивляюсь сноровке и умению ар-

тельщика и его помощника по готовке еды служивому люду. Ведь им, получается, заранее известно, сколько времени надо готовить подливу для каши, и в каком количестве. Сколько положить крупы в котел, чтобы вышло не меньше и не больше порций на ужин для двухсот пятидесяти человек. Внимательно следить за готовкой, вовремя помешивать варево, чтоб не подгорело. Еще и мной успевать командовать, под каким котлом уменьшить огонь, а под каким раскочегарить. Да это настоящие мастера своего дела!

Александр покровительственно посмотрел на Стафа:

– Правильно ты заметил, Евстафий, они мастера своего дела. И учились они кашеварить не где-нибудь в школах или гимназиях, а на полевых выходах, да в походах. Сразу что-то не получалось, а потом наловчились. Главное, чтобы вся цепочка готовки заложена в голову была, а они по этой цепочке уже работают. Всяко бывало. И каша у них подгорала и вместо супа получалась каша. Но ничего, до битья дело пока не доходило.

Стаф округлил глаза:

– А что, за плохую готовку еды могут и побить?

Александр усмехнулся:

– А ты как думаешь, если казакам не понравится еда, то могут не только побить, но и в котел с плохим супом бросить. Вот так-то!

Стаф только передернул плечами и выдохнул:

– Ничего себе.

Подошел урядник Орлов:

– Вот вы где оказывается. Ну что поели? Тогда четверть часа отдыха, за это время свою посуду помыть. Ты, приказный, потом можешь двигать на службу, а ты Брянкин со мной займешься чисткой котлов и готовкой дров на завтра. Да не печалься, вдвоем мы быстро все провернем. Засим отведу я тебя в каталажку на ночлег, а с утра опять заберу. Жду у раздачи.

Рассказал урядник Орлов друзьям свои планы и ушел. Стаф подумал уж отказаться от такого времяпрепровождения, но поразмыслив, решил продолжить работу на кухне, тем более, еще о родственниках Орлова не расспросил. Стафа Орлов поставил чистить котлы, показал, предварительно, куда сваливать отбросы пищи и выдал металлическую щетку с чистыми тряпками для чистки. Сам при свете костра начал рубить дрова. Оказалось, что усталость куда-то улетучилась. Стаф за полчаса полностью отдраил до блеска котлы, вымыл руки с мылом, оделся и стал ждать урядника, прохаживаясь вокруг полевых кухонь. Орлов заприметил окончившего работу и нетерпеливо прохаживающегося Евстафия, прекратил рубку и подошел к кухням:

– Смотрю я, Брянкин, ты хорошо почистил котлы. А ну-ка слей мне на руки теплой водицы.

Стаф ковшом зачерпнул с ведра теплой воды и полил Орлову на руки. Тот, покряхтивая, умылся, вытерся полотенцем и обратился к артельщику:

– Василий Петрович, мне нести помой к Евдокии или сам отнесешь? Мне вот обузу до каталажки вести еще. Вахмистр Ивлев оторвался от переборки приправ в маленьком сундучке:

– Иди Яков Елисеевич, иди уж, сам отнесу. Урядник Орлов с обузой Брянкиным неспеша зашагали к гауптвахте. Темнота зимней ночи была прозрачной от светившихся слабым огнем окон домов. По пути Орлов учил Стафа как вести себя при разговоре с большим начальством. Особенно упирал на проявление уважительности к собеседнику и на изложение честных ответов на поставленные вопросы. Стаф все советы мотал на ус и только дакал или угукал, подтверждая этим, что все усвоил. Ночь пролетела для Евстафия мельком, не успел укрыться одеялом, а глаза сами закрылись. Утром вскочил по сигналу трубача «вставай, вставай, одежду одевай», быстро оделся, обулся и выбежал во двор. Там при свете керосиновой лампы уже шла перекличка содержащихся на гауптвахте солдат и казаков. Стаф в сторонке, чтобы никому не мешать, принялся за утреннюю гимнастику. Разводил руки в стороны и поворачивался всем туловищем то в одну, то в другую сторону, потом приседал с вытянутыми вперед руками. Размял торс нагибанием спины вперед и влево, вправо. Так как места во дворе было не так уж много, обозначил бег на месте. Потом провел бой с тенью, так как учил наставник, Тимофей Пантелеевич. Пораньше перед рассветом подошедший урядник Орлов стоял возле калитки

во двор гауптвахты и широко раскрытыми глазами наблюдал за телодвижениями Стафа. Когда тот закончил разминку и собирался идти за халатом, Орлов его окликнул:

– Брянкин, подь сюда!

Стаф подскочил к уряднику и бодрым басом доложил:

– Брянкин, по вашему приказанию прибыл!

Орлов протянул:

– Лихо, лихо. И кто ж тебя научил разогреваться по-казацки.

Стаф решил не юлить, а говорить правду:

– Наставник мой во Франции, отставной оренбургский казак, Орлов Тимофей Пантелеевич.

Урядник изумленно сглотнул и по-отечески тепло продолжил:

– Вот это новость, так новость. Спасибо тебе, Брянкин, за хорошую весть. Иди, одевайся, я скажу начальнику караула, что забрал тебя. У калитки встретимся.

Всю дорогу Орлов выпытывал у Евстафия подробности внешности, осанки и возраста его наставника. И про глаза спрашивал, и про уши. Когда услышал от Стафа про серебряные серьги в ушах наставника, то надолго задумался. Так в молчании они и пришли к кухонному месту. И только по окончании раздачи пищи казакам он глубокомысленно высказал Стафу:

– Видно на роду у нас Орловых записано, чтоб мы наставляли тебя на правильный воинский путь. Теперь вот я

немного побыл у тебя в наставниках. И я тебе скажу, будешь держаться наших обычаев и традиций, выбьешься в люди, поэтому, что задумал, то выполняй с честью и рвением, тогда выйдет из тебя толк. Удачи тебе, сынок!

Г Л А В А 7

Беседа Брянкина Евстафия Никифоровича с наказным атаманом Уральского казачьего войска генералом Веревкиным Николаем Александровичем прошла в позитивном ключе для обоих собеседников. Стаф выложил заранее заготовленную версию своего появления в зимней кайсакской степи, которую Николай Александрович принял на веру, так как ни документов, ни донесений по поводу продвижения торгового каравана немецкого купца ему не поступало. Также Стаф рассказал о стычке с разбойниками – киргизами и добропорядочном кипчаке Талгате Кулжигите и его семье. О постигшем их несчастье и своей помощи им. Об одиночном путешествии в сторону Уральска. Юношу, развитого физически, подготовленного к жизни русским казачьим наставником, основательно знающего основы мироздания и, к тому же, изъявившего горячее желание учиться военному делу, генерал распорядился причислить к атаманским детям, то есть, к сиротам, не имеющим родителей и воспитывающихся в военных школах за казенный счет. Присутствующий на беседе старший адъютант Арсентьев внимательно записывал все пожелания и распоряжения генерала. Генерал Веревкин отнесся с большой симпатией к молодому парню, который при беседе держался с достоинством и тактом. Юноша на вопросы отвечал кратко, но емко, по делу. На-

счет обретаемых где-то на просторах России его родителей, генерал посоветовал ему не волноваться, а постигать учебу в Неплюевской военной гимназии, куда он будет зачислен по приезду в город Оренбург со старшим адъютантом Арсентьевым. Запрос на поиски родителей господин Арсентьев сделает в жандармском управлении Оренбурга, по приезду туда. На прощание генерал выразил уверенность в том, что сведения о военном гимназисте Брянке из гимназии будут поступать ему только хорошие и отличные, потому как с атаманских детей и спрос больший, чем с простых гимназистов. Стаф в конце беседы назвал генерала просто Николаем Александровичем и поблагодарил его, сказав, что благодарен ему от всего сердца, чем вызвал вспышку отцовской нежности у генерала. Атаман грузно поднялся с кресла, подошел к Евстафию и крепко обнял того за плечи, потом отстранил его и подтолкнул к дверям со словами:

– Да пребудет с тобою Бог!

И перекрестил выходящего Евстафия в спину. Старший адъютант ничем не выдал своего изумления при произошедшей сцене, только еще больше проникся уважением к атаману.

Сборы в гимназию были недолгими. К зданию гауптвахты в утренних сумерках подъехал утепленный крытый возок, запряженный парой лошадей с конвоем из пяти верховых казаков. Из возка выпрыгнул урядник Орлов и знакомой тропкой прошел в караульное помещение. Расписался в кни-

ге выдачи арестованных за постояльца Брянкина и за его вещи, чистую киргизскую одежду, туркменскую саблю и кинжал. Подхватил выданный ему узел с вещами и, поздоровавшись с одетым Брянкиным кивком головы, повел его на улицу, к возку. Евстафия разместили напротив есаула Арсентьева и урядника Орлова. Тронулись. Есаул попросил Евстафия подробно рассказать о нападении разбойников на зимник Кулжигита и примерно описать место проживания его семьи. После обстоятельного рассказа Евстафия слово взял Орлов, который начал рассказывать про быт казаков и ловлю рыбы в реке Урал. Так за разговорами прошел день пути по землям уральских казаков. Ночевали в дозорной крепостце Долинной. Утром пораньше выехали в Приуральное. В полдень была остановка в станице Бурлин для кормежки людей и лошадей. Всю дорогу конвой внимательно наблюдал за окрестностями, во избежание внезапного нападения кочующих шаек кайсаков. Уже в темноте прибыли в станицу Приуральное. На постой встали у местного старшины в доме. Спали до рассвета. Неторопливо подкрепились, чем угостил старшина. Обихоженных лошадей сноровисто запрягли и заседлали. Теперь путь лежал в станицу Илецкую, что на реке Илек, большое зажиточное поселение илецких казаков с каменной крепостью в центре станицы. В Илецкой пробыли сутки, давая лошадям роздых и сделав расхлябанному возку необходимый ремонт. Следующие три дня пути выпали у Стафа из головы, потому что он дремал всю дорогу с со-

проводящими. В дреме и ночевал, и ел, и опять трясся в возке. Оказывается, проезжали станицы Новокардаиловку, заселенную в основном малороссиянами, станицу Краснохолмскую с густым лесом вдоль реки, богатейшую казачью станицу Городище на берегу реки Урал, первыми поселенцами которой были воронежские крестьяне. От этой станицы осталось ехать до Оренбурга около полста верст.

ГЛАВА 8

Совсем нетяжело было совмещать служебные занятия начальника пехотного полка, подчиненного генерал-губернатору Оренбургской губернии, с воспитательной деятельностью в Неплюевской военной гимназии подполковнику Малеванному Александру Степановичу. Он с помощью любимой Лизоньки и неискоренимым упрямством в достижении поставленных целей, с успехом и даже удовлетворенностью в душе исполнял служебную обязанность, возложенную на него генерал-губернатором Оренбургской губернии его высокопревосходительством генерал-адъютантом Крыжановским Н. А., в воспитании у гимназистов навыков прицельной стрельбы по мишеням на полковом стрельбище за Оренбургом.

«Эти мишени ваши враги, которые хотят уничтожить вас и ваши семьи, поэтому не дайте им шанса сделать вам и нашему Отечеству никакого вреда, убейте их!»

Так наставлял перед стрельбой учеников гимназии молодой подполковник. И столько страсти и уверенности было в его словах, что гимназисты старались изо всех сил подражать боевому штаб-офицеру, в хлам, изрешечивая голову и грудь мишеней. Сам подполковник, наблюдая за мишенями в подзорную трубу, с каждым звуком выстрела на краткий миг возвращался в осень пятьдесят четвертого, в Сева-

Стополь, в свою юность.

Сырость и напитанная влагой трава вкупе с мокрыми листьями кустарников доставляла массу хлопот и неудобств солдатам русской армии оборонявших город от иноземных захватчиков. Кремневые запалы на полках их ружей быстро отсыревали, выстрелить получалось с пятого на десятое. Даже стреляя из капсюльного гладкоствольного ружья, основного оружия русской пехоты, солдаты с обидой наблюдали, что пуля из гладкоствольного ствола иной раз не долетала до врага, потому как дальность ее смертельного полета составляли всего триста шагов. Тогда как у французов и англичан на вооружении повсеместно находились французские штуцера и английские винтовки Энфильда с нарезным стволом и капсюльным воспламенителем основного заряда винтовочного патрона. Ни дождь, ни большие расстояния не были преградой для производства выстрела из нарезных винтовок. Их дальнобойность составляла тысячу метров.

Время за полночь. При выходе на охоту за вражескими солдатами Сандру казалось, что должна быть непроглядная темень в это время, но, как и обещал дядя Миша Кувалдин, отблески пожаров от низко нависших туч и изредка пробиравшийся между тучами мертвенный свет луны прекрасно освещали позиции русских и неприятельских войск. Сандр поежился, сквозь непромокаемый брезент куртки и штанов, теплую поддевку меховой безрукавки и шерстяных носков просачивался промозглый крымский осенний холод. Тро-

фейный штуцер французов, досконально изученный Сандром и Фором, ими же пристрелянный, побывал во множестве засад и ни разу не давал осечек. Сандр любовно погладил приклад и ствол штуцера. Открытая ладонь тотчас покрылась холодной влагой. Сандр вытер ее и винтовку прихваченной для этих целей чистой ветошью, и всмотрелся в подаренную дядей Мишей подзорную трубу. В траншеях англичан не было заметно никакого движения. Ан нет, с тыла траншей он заметил движение конной повозки, она то скрывалась в распадках, то отчетливо выделялась на хмуром горизонте. Остановилась, за сто или двести шагов, не доезжая траншеи. Из двуколки выскочили две тени и торопливо побежали в окопы, к своим. Рядом стукнул приглушенный выстрел. Одна тень переломилась, упала и осталась лежать недвижимой. Ага, Фор начал отстрел неприятеля. Теперь все внимание на огни вспышек супостата. О, они начали ответную стрельбу. Так, а это что за скорострел, он выпустил три пули, тогда как другие выстрелили по разу. Наводим штуцер на это место. Еще раз разглядываем в подзорную трубу неровности траншеи в этом месте. Вот, что и требовалось доказать. Холмик отчетливо дернулся при выстреле и скрылся с глаз. А мы наведем туда ствол штуцера. Во, даже невооруженным взглядом, Сандр заметил подъем холмика. Тщательно прицелился и нажал спусковой крючок. Хлопнул выстрел. Сандр сразу же откатился в сторону и заскользил ящерицей к новой лежке. Уже из нее осмотрел траншею против-

ника. В том месте, где появлялся холмик, были видны суетливые движения солдат противника. Их головы и руки так и мелькали в окуляре подзорной трубы. Знать успокоил скорострела. К копошащимся возле убитого солдатам степенно подплыла даже в ночной темени выделявшаяся бравым видом тень вражеского начальника. Сандр сноровисто навел на эту тень уже заряженный штуцер. Хлоп. Тень исчезла из поля зрения. Сразу перестало видно всяческое движение в этом месте траншеи. А Сандр уже полз к третьей лежке, которая находилась правее и впереди. Вражеские пули вжикали и шуршали на бруствере покинутого окопчика. Третий окоп имел заглубленный ход к основной траншее оборонявшихся, что давало ночному стрелку возможность незаметно исчезнуть с огневой позиции. Отсюда Сандр внимательно осмотрел траншею противника. Тишь да гладь, опять никакого шевеления. Оп-па, из глубины вражьего тыла сверкнул выстрел и тут же раздался отчаянный крик боли с нашей стороны. Ну, сучий кот! Меткач англичан разместился с комфортом на недосыгаемой, как он считал, вершине взгорка. Соблюдая все меры предосторожностей, Сандр неторопливо навел подзорную трубу на взгорок. Кустики чахлого ковыля едва шевелились в лунном свете и клонились в ту сторону, куда дул ночной ветерок. Но вот гуща ковыля в ложбинке взгорка резко наклонилась в противоположную сторону и медленно разделилась надвое. Есть, это тот гад, что стрелял по нашим позициям, Сандр был в этом уверен. Он затаил

дыхание и прицелился в обрез гущи ковыльной травы. Через несколько секунд из этой гущи сверкнул выстрел. Сандр тотчас нажал на курок, быстро поставил штуцер на дно окопа и приник к подзорной трубе. Ковыль в ложбине взгорка продолжительное время колыхался в разные стороны, как будто там боролись невидимые соперники. Потом резко прекратил дергание и отдался на волю ветра. Помня наставления дяди Миши, что ночные охотники неприятеля всегда ходят на задания парами, Сандр продолжал наблюдать за взгорком, предварительно зарядив штуцер. Рядом с гущей ковыля сверкнул выстрел. Не медля ни секунды, Сандр послал туда ответную пулю. В сторону и вверх взлетело вражеское ружье. Вскочивший на ноги стрелок противника был отчетливо виден даже в темноте серой ночи. Он держался обеими руками за голову и попытался убежать вниз. Но вторая пуля Сандра не дала ему такой возможности. Враг упал недвижимым.

Подполковник помотал головой, отгоняя воспоминания. Вгляделся в заснеженное мишенное поле, все мишени были поражены выстрелами гимназистов. Он скомандовал прекратить стрельбу. На построении отстрелявших свое гимназистов и новых кандидатов в стрелки он вгляделся в разгоряченные лица парней, учащихся в военной гимназии. На многих скуластых, круглых и вытянутых лицах которых можно было прочесть решимость и огромное желание выполнить стрельбы на отлично. Их раскосые, круглые, прищуренные глаза, глядящие открыто и честно на подполковника, выра-

жали готовность совершить любой подвиг на благо Отечества по приказу начальника. Малеванный, вспоминая свой выпуск из кадетского корпуса, произнес выученные наизусть слова из «Наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений», составленного в 1848 году при непосредственном участии Великого князя Михаила Павловича и озвученного директором Михайловского Воронежского кадетского корпуса генерал-лейтенантом Павлом Николаевичем Броневским при прощании с выпускниками корпуса в 1859 году:

– Господа гимназисты, хочу напомнить Вам основное положение из «Наставления для образования воспитанников военных школ России». Я говорю это для того, чтобы Вы поняли цель Вашей учебы и приняли близко к сердцу пожелания государя нашего.

Вот оно – «Доставить юному военному дворянству приличное сему званию воспитание, дабы укрепить в воспитанниках сих правила благочестия и чистой нравственности и, обучая их всему, что в predetermined для них звании знать необходимо. Нужно сделать их способными с пользою и честью служить Государю и благосостояние всей жизни их основать на непоколебимой приверженности Престолу. Христианин или иноверец, Верноподданный, Русский добрый сын, надежный товарищ, скромный образованный юноша, исполнительный, терпеливый и расторопный офицер – вот качества, с которыми воспитанники Военно-Учебных за-

ведений должны переходить со школьной скамьи в ряды Императорской Армии с чистым желанием отплатить Государю за его благодеяния честной службой, честной жизнью и честной смертью». Данное пожелание адресовано всем вам, так как, соблюдая его, имеющие дворянское звание упрочат свое положение, а не дворяне могут заслуженно его получить. Удачной службы вам, ребята! А сейчас новая смена стрелков, к бою!

Стрельбы закончились как обычно без происшествий, только благодаря расторопным действиям, обслуживавшим стрельбы, старослужащих солдат и умных ротных командиров. Убыли разгоряченные гимназисты в распоряжение гимназии на розвальнях с радостными криками и прибаутками. Обслуживающие стрельбы солдаты и офицеры проводили своего командира полка, стоя по стойке «смирно» и отдавая воинскую честь с прикладыванием правой ладони к обрезу шапок. Подполковник Малеванный убыл домой в Оренбург, с денщиком, на крытом возке. В добротном двухэтажном каменном доме семья Малеванных размещалась со всеми полагающимися удобствами, даже отхожее место находилось в доме на первом этаже и было оборудовано не хуже чем в Греции. Через стену была оборудована огромная ванная комната с чугунной ванной на ножках и тремя фаянсовыми раковинами для мужчин, для женщин и для детей с различными приспособлениями и гигиеническими средствами на изукрашенных затейливой резьбой деревянных полках.

Александр Степанович выйдя из возка, отправил возницу в распоряжение полка, вздохнул с облегчением и сопровождаемый денщиком поднялся на вычищенные от снега ступени дома.

– Ты, Сидор Иванович, можешь заняться своими делами до утра. Но с петухами, будь добр, быть на месте. У меня завтра назначена встреча с его высокопревосходительством, генерал-губернатором. Уж постарайся, подготовь все необходимое к столь важному мероприятию.

– Будет исполнено, ваше высокоблагородие!

В просторном вестибюле первого этажа каждый из них прошел в свои помещения. Денщик в свою комнату. Подполковник, скинув верхнюю одежду с перчатками, папахой и сапоги на меху дежурному слуге, обул теплые чуваки и направился на второй этаж. На балюстраде второго этажа, облокотившись локтем на резные перила, его ожидала дорогая половина, горячо любимая Лизонька. Дождавшись подъема мужа на второй этаж, она бросилась ему на шею и прошептала ему в ухо с легким укором:

– И где же мой муж пропал весь день, даже не соизволил появиться на обеде в доме?

– Милая моя, сама ведь знаешь, что каждый четверг я лично должен проводить обучение воспитанников военной гимназии на стрельбище. Вот и сегодня эта кутерьма меня закрутила, завертела так, что я даже об обеде не вспомнил. Поэтому сейчас я голоден, как дикий зверь. Ты меня покормишь,

надеюсь? И где же мои дети, Доната и Лучано? Обычно они встречают меня в вестибюле. Про Ивана не спрашиваю, он командует полуротой у меня в полку.

— Ага, вспомнил, наконец, и про еду и про детей, солдафон несчастный. А Доната в сопровождении Лучано упорхнула, тебя не дождавшись, к портнихе в модный дом. Надо же пошить новое платье для предстоящего бала. Я уже с портнихой обговорила и фасон и покрой, она будет примерять сметанное на живую нитку платье, а Лучано будет комментировать лучшие и негодные стороны мастерства портнихи.

Лиза легонько толкнула кулачком Александра в бок.

— Счастливый я, счастливый. И не солдафон, а солдат его величества Императора Российского, поэтому выполняю свой долг с честью и чистой совестью.

Лиза подхватив мужа под руку и ведя его в столовую, продолжала пытаться его словами:

— Хороший солдат старается не только выполнять свой долг с честью и чистой совестью, но и мечтает стать генералом, так, по-моему, об этом говорил его высокопревосходительство фельдмаршал Александр Васильевич Суворов. А я все еще замужем за подполковником, который погряз в семейных делах и с увлечением учит молодую поросль военному делу, как какой-нибудь старик-ветеран. Будь добр, ответь мне, когда я буду устраивать балы и званые обеды сама, а не ожидать приглашений от твоих начальников и воротил города?

– Лизонька, о чем ты говоришь? Мне всего лишь тридцать шесть лет, а я уже дворянин и подполковник, тебе в этом году исполнится всего-навсего «восемнадцать» годков, и у нас все еще впереди.

– Мне приятна твоя непосредственная деревенская лесть по поводу моего возраста, но Донате уже двадцать один год и подходящей пары для нее до сих пор не предвидится. Даже Иван в чине подпоручика служит в твоём полку, и это в его восемнадцать лет. Слава богу, наш младшенький Лучано постигает военные науки в Неплюевской гимназии и часто бывает дома. Он такой красавец и умница, что я не удивлюсь, когда он перегонит тебя на военном поприще.

Александр Степанович крепче прижал к себе не сопротивлявшуюся жену и ласково произнес:

– Ах, Лиза, Лизонька я сам об том мечтаю и делаю все от меня зависящее в достижении цели всей моей жизни.

Они вошли в просторную и светлую столовую с уже сервированным обеденными кушаньями и напитками столом, пожилая горничная из крестьян центральных губерний скромно стояла в отдалении. Малеванный с супругой прошли к туалетному столику, горничная слила воды на руки господам и протянула им два пушистых полотенца.

– Прошу за стол, дорогая.

Александр Степанович самолично придержал стул жены, на который она присаживалась за стол. Уселся сам, опрокинул из налитой рюмки в рот водку и с соблюдением допусти-

мых приличий принялся за еду. В перерыве между первым и вторым блюдом глядя в любимые очи дражайшей половины произнес коротко:

– Продолжим разговор в моем кабинете после обеда.

Лиза, весело вскинула на него взор:

– Всенепременно, Саша.

ГЛАВА 9

Сладко дремавшего в возке Евстафия разбудил громкий говор урядника Орлова на улице и хлынувший в открытую дверь возка холодный свежий воздух. Возок стоял напротив огромного трехэтажного здания прямо у главного входа. Урядник Орлов громогласно спрашивал у караульного солдата адрес Неплюевской военной гимназии:

– Так это и есть то самое здание военной гимназии имени Неплюева? Вот спасибо тебе, браток, за приятную весть.

И оборотившись к есаулу Арсентьеву, бодро отрапортовал:

– Ваше благородие, кажись, прибыли точно в то самое место, что вы указывали!

Арсентьев похлопал себя руками в перчатках по бокам чекменя:

– Превосходно, Орлов, превосходно. Кандидата Брянкина ко мне, сам заберешь его вещи и за мной!

Урядник лихо пристукнул каблуками сапог:

– Слушаюсь!

Заглянул в возок и негромко попросил Евстафия:

– Стаф, быстро к его благородию, я иду за вами.

И громко крикнул возчику:

– Степан, багаж Брянкина доставай срочно, я его заберу.

Стаф ловко выскочил из внутренностей возка и встал ря-

дом с есаулом. Тот внимательно осмотрел одежду Евстафия и остался доволен осмотром:

– Вижу, уже готов к следованию, тогда пошли.

В огромном входном вестибюле есаул Арсентьев оставил урядника Орлова ожидать их, а сам с Евстафием последовал за сопровождавшим дежурным по этажу урядником на третий этаж, к директору военной гимназии. В приемной директора их остановил капитан в форме лейб-гвардии Гатчинского полка:

– Господа, я инспектор классов, капитан Самоцвет Феофил Матвеевич, прошу объяснить цель вашего прибытия.

Есаул Арсентьев протянул ему запечатанный конверт со словами:

– Представляюсь: старший адъютант его высокопревосходительства наказного атамана Уральского казачьего войска генерала Веревкина есаул Арсентьев Александр Ильич с кандидатом на обучение в вашей гимназии Брянкиным Евстафием Никифоровичем прибыли на собеседование к директору вашей гимназии. Прошу ознакомить его превосходительство с письмом атамана.

Инспектор классов принял у есаула конверт левой рукой, правую руку протянул для рукопожатия:

– Приятно познакомиться. Вы раздевайтесь, устраивайтесь вон за тем столиком, дежурный подаст вам чай. Я, к его превосходительству.

Капитан Самоцвет лихо развернулся через левое плечо

и проследовал в кабинет к директору военной гимназии, предварительно постучав в дверь костяшками пальцев. В кабинете капитана встретил вопросительный взгляд генерала Домерщикова:

— Что-то еще Феофил Матвеевич? Мы с вами вроде бы все вопросы воинской дисциплины и обучения воспитанников обсудили.

Капитан Самоцвет был сама вежливость:

— Ваше превосходительство, от атамана уральских казаков прибыл его старший адъютант есаул Арсентьев Александр Ильич с кандидатом на обучение в нашей гимназии. Вот рекомендательное письмо его высокопревосходительства генерала Веревкина. Прошу.

Капитан протянул директору запечатанный сургучом пакет. Директор гимназии осторожно взял пакет двумя руками и потянулся за деревянным ножиком, предназначенным для вскрытия конвертов:

— Да вы присаживайтесь, будем вместе обсуждать полученные сведения.

Генерал расправил вынутый лист бумаги с вензелями Уральского казачьего войска и неторопливо начал читать послание атамана. В течение нескольких долгих минут в кабинете царило молчание, изредка прерываемое восклицаниями генерала:

— Так. Так. И вот так!

Директор закончил читать письмо, отложил его в сторону

и задумчиво посмотрел в окно, разрисованное морозными узорами:

– Дорогой Феофил Матвеевич извольте озадачить старшего делопроизводителя написанием приказа о зачислении Брянкина Евстафия Никифоровича в первый эскадрон воспитанников нашей гимназии с полным пансионом, как атаманского сына его высокопревосходительства генерала Веревкина, и с закреплением за ним недавно родившегося жеребчика Верного, остальное вы сами добавите. А для полноты составления сведений о воспитаннике заведите на него личное дело. Это письмо будет первым документом, удостоверяющим личность воспитанника. Возьмите и внимательно ознакомьтесь с ним на досуге. А сейчас позовите просителей в кабинет и присядьте в сторонке в готовности вести запись нашей беседы. Выполняйте!

Стаф с есаулом давно уже выпили принесенный дежурным унтером чай с баранками и сидели как на иголках, ожидая вызова из кабинета директора. Наконец-то, дверь кабинета распахнулась бесшумно, и вышедший оттуда капитан в лейб-гвардейской форме жестом руки пригласил их заходить. Есаул, войдя в кабинет, посторонился, освобождая место для Евстафия, и сразу же воскликнул во все горло, отвечая на приветствие генерала:

– Здравия желаю, ваше превосходительство!

Стаф замешкался и еле слышно пробасил:

– Здравствуйте.

Генерал холодно посмотрел на него и пригласил всех присаживаться за стол.

Просители разместились на стульях с высокими спинками, Стаф ладони рук положил на стол и внимательно смотрел на директора гимназии. Тот начал разговор с есаулом:

– Господин есаул, как вы понимаете, наша гимназия принимает кандидатов в ряды воспитанников в определенное для этого время. Вы выбрали неурочное время для зачисления вашего протеже в наше учебное заведение. Да к тому же юноша совершенно безо всяких документов и неизвестно чей ребенок. Подождите возражать, есаул! Только благодаря ходатайству вашего атамана мы, скрепя сердцем, возьмемся за его воспитание. Испытанием на знание изучаемых предметов вашего кандидата займется лично инспектор классов.

Генерал перевел взгляд на капитана Самоцвета, тот мгновенно вскочил со стула и прищелкнул каблуками:

– Слушаюсь!

Директор продолжил:

– Так вот, при положительном отзыве о знаниях и при примерном поведении он, ваш кандидат, будет зачислен в списки воспитанников нашей гимназии. В противном случае я буду вынужден от него отказаться. Посему, прошу вас, господин есаул, наведаться к нам через неделю, результат будет ясен. С вами разговор закончен, вы свободны.

Есаул Арсентьев молча встал со стула, принял строевую стойку, наклонил и поднял голову, развернулся и вышел

из кабинета. Директор гимназии обратил свой взор на Стафа:

– Теперь побеседуем с вами, молодой человек. Расскажите, будьте так любезны, про себя и своих родителей, и как вас угораздило появиться у нас.

Стаф, так же, как и есаул Арсентьев, аккуратно поднялся из-за стола, сделал шаг назад и развернулся фронтом к директору гимназии. Про себя он рассказал то, что ему говорила тетушка Лиана, а про родителей сказал, что ему об них говорил его дядька, Орлов Тимофей Пантелеевич, отставной казак, приставленный французским воспитателем к неразумному малышу. Про документы обмолвился вскользь, что они были в кибитке у немецкого купца Мюллера, от каравана которого отбился и потерялся Евстафий. Рассказал и про хорошее киргизское семейство, где его обогрели и накормили, про злодеев кайсаков, что напали на это семейство, а он принимал участие в борьбе против них. Рассказал про свои трофеи, которые Кулжигит разрешил ему увезти с собой на разбойничьей лошади. Поведал, как на духу, о своей детской мечте выучиться на военного человека и защищать русское отечество, в котором где-то обретаются его родители. Сказал, что атаман уральского казачьего войска ему поверил, и он просто обязан его доверие оправдать.

Генерал Домерщиков с капитаном Самоцветом испытующе и пристально наблюдали за лицом и руками говорившего юноши, но фальши и лукавства в его речи не обнаружили.

У инспектора классов уже чесались руки и мозги, хотелось, не откладывая ни на миг, провести расспросы молодого человека о багаже его знаний, но Феофан Матвеевич был военным до мозга костей и понимал, что всему свое время. Директор гимназии проникся рассказом юноши и помягчел душой. После окончания рассказа молодого человека директор гимназии провел быстрый опрос кандидата, чтобы разузнать о новом воспитаннике несколько больше. Он начал спрашивать Стафа о совершенно разных вещах:

– Прошу вас, юноша, отвечать кратко и емко. Вот мой первый вопрос. Как вы относитесь к монархии в России, ведь вы воспитывались, по вашим словам, во Франции, а там вся жизнь проникнута революционными идеями?

Стаф был готов к таким вопросам, не зря тетушка Лиана натаскивала его на глубокое изучение исторических фактов именно в это время:

– Я считаю, что монархия в России для ее плодотворного процветания жизненно необходима будет еще долгое время. Поэтому я ее полностью поддерживаю и обязуюсь защищать ее интересы до последней капли крови.

Генерал стрельнул в Стафа пронизывающим взглядом:

– Это ваше личное мнение или заученный урок ваших воспитателей?

Стаф сразу ответил:

– Скорее всего первое, мои выводы, полученные при изучении мировоззрений простых жителей Франции и России

и развития экономик этих стран, убедили меня в этом.

Генерал бросил молниеносный взгляд на сидевшего сбоку капитана и продолжил расспросы:

– Как вы относитесь к женщинам? У вас были уже любовные связи с ними?

Стаф покраснел от такого прямолинейного вопроса в отношении его персоны, но вспомнил красавицу-тетушку и бодро ответил:

– Женщины слабый пол и их надо оберегать от всяческих невзгод. Я их просто обожаю. Но связей у меня с представительницами прекрасного пола пока еще не было. Оставшийся во Франции мой дядька Тимофей запрещал мне даже смотреть в их сторону, хотя много хорошего рассказывал про них. Он говорил, что....

Генерал перебил Стафа:

– Стоп, стоп юноша. Не надо рассуждать. Прошу отвечать кратко. Уяснили?

Пришлось Стафу повторно покраснеть и покаянно пробасить:

– Да, ваше превосходительство.

– Каково ваше отношение к животным?

– Всех люблю и со всеми нормально уживаюсь.

– Каким видам рукопашной борьбы вы научены, и каким оружием владеете?

– Дядька Тимофей научил меня казацкому «подвалу» и «русбою». Владею неплохо казацкой саблей, хорошо метаю

ножи, обучен огневому бою из пистолетов и ружей.

Напольные часы, стоящие напротив окон, мелодично пробили час после полудня. Генерал посмотрел на капитана, тот заканчивал записывать что-то в раскрытую тетрадь:

– Господин инспектор, я думаю, вы можете забирать воспитанника с собой для его дальнейшей жизни и учебы у нас. До следующей встречи гимназист Брянкин. В первый же день пребывания в стенах военной гимназии Евстафий был опрошен преподавателями Закона Божия, русского языка, законоведения, математики, физики, химии, географии на предмет определения его знаний. Потом Феофил Матвеевич собрал преподавателей на небольшое совещание:

– Итак, господа, что можете сказать по итогам собеседования с кандидатом в гимназисты Брянкиным?

Слово взял присутствовавший на всех беседах помощник инспектора классов, он же библиотекарь, он же смотритель музея, капитан Викстрем Август Федорович:

– Всех нас впечатлила глубина познаний по изучаемым предметам нового воспитанника, за это его можно оценить на двенадцать баллов с жирным плюсом. Но в некоторых вопросах он слабее первоклашек. А именно – очень плохо знает Закон Божий, хотя вера в Господа нашего, Иисуса Христа, в нем сильна. В чистописании опрятен, но допускает громадное количество грамматических и синтаксических ошибок в письме русских слов. Очень хорошо знает, и устно, и письменно, французский, тюркский и персидский языки, но пло-

хо обучен немецкому языку. История нашего государства им изучена слабо, многих бывших царедворцев и военачальников совершенно не знает, хотя историю древних мировых цивилизаций излагает полно и со знанием дела. В заслуги ему нужно занести неплохое музицирование на гитаре и наличие приятного слуху глубокого баритона. Я краем уха слышал окончание исполняемой им цыганской песни для однокашников, меня его исполнение и звучание голоса сильно впечатлило. В гимнастике и джигитовке знает толк, физически развит хорошо. С саблей обращается на уровне хорошего казака, но фехтованию шпагой не обучен. В рукопашной борьбе ему нет равных, здесь он большой специалист.

Капитан Викстрем замолчал. Инспектор классов, капитан Самоцвет с удовлетворением прослушал характеристику нового воспитанника Брянкина, все сказанное его помощником звучало в унисон с его наблюдениями и выводами по будущему гимназисту. Он закончил совещание, выражая общее мнение:

– Из всего вышесказанного следует однозначный вывод – воспитанник нам попался хоть и образованный достаточно в некоторых предметах, но в России он не жил и совершенно не знает ее сегодняшних реалий. Отсюда вытекает мой вердикт, который я представлю на рассмотрение его превосходительства. Думаю, надо Брянкина принять на обучение в предпоследний, шестой класс гимназии. Дополнительно обучать гимназиста, в свободное у преподавателей вре-

мя, предметам, изученных им слабо. Вы, Август Федорович, выдайте новому дядьке Брянкина уряднику Орлову задание следить за здоровьем подопечного, его поведением и глубже обучать военному делу. Спасибо господу за вашу помощь и до свидания. Все свободны.

Преподаватели были не столько удивлены, сколько ошарашены глубиной познаний нового воспитанника, они признавались инспектору классов, что по многим вопросам данный гимназист даст фору им самим. Прошедшая неделя запомнилась Евстафию нескончаемыми делами и знакомством с гимназистами, преподавателями и официальными лицами военной гимназии. Он был приятно удивлен очень обеспеченной материальной базой учебного процесса в гимназии, комфортными даже для его прошлой жизни условиями проживания в казарме воспитанников, вкусной и качественной пище, подаваемой учащимся в столовой гимназии, а также соблюдением всеми без исключения правил хорошего тона в общении и обращении между собой. Особенно его захватила, как некоторым гимназистам казалось, нудная обязанность проводить два полных часа в день с закрепленными за гимназистами лошадьми. Его жеребенок Верный, показанный ему берейтором сотником Кузнецовым в первый же день пребывания в гимназии, оказался очень сообразительным, жизнерадостным и легко восприимчивым к обучению конем. И хотя он был еще маленьким, но уже узнавал хозяина и радостно ржал при его приближении. Наслышан-

ный в прошлой жизни о необходимости самостоятельно подгонять выданную форму одежды под свои размеры кадетами военных училищ, Стаф с радостью обнаружил, что здесь этим занимается специальная швейная мастерская, возглавляемая сотрудником гимназии, господином Шнайдером. Поэтому он с удовольствием подряд два дня ходил в швейную мастерскую на примерку фуражки, мундиров, брюк и шинели. Особенно его «порадовал» кожаный ремень, выдаваемый только старшим классам, с серебряной пряжкой, которую приходилось начищать три раза в день, чтобы она блестела, а не тускло отсвечивала. Учитель французского и немецкого языков гувернер Комияти Карл Карлович обратил внимание на слабое знание немецкого языка Евстафием и выразил удовлетворение хорошим знанием французского языка. Он же посоветовал Евстафию попробовать свои силы в избранном хоре певчих, когда услышал его глубокий баритон:

– Мсье, голубчик, с вашим драматическим баритоном вам самое место в нашем хоре певчих, если вы не возражаете, я попрошу нашего Петра Алексеевича Сахарова прослушать вас.

– Карл Карлович, если пение в хоре не будет в ущерб основным занятиям, то я согласен.

Таким образом, Стаф стал активным участником избранного хора певчих гимназии. В оркестровом помещении нашлась и семиструнная гитара, на которой Стаф не замедлил потренироваться. Ну, а когда он негромко спел группе стар-

ших гимназистов старшего класса первого эскадрона «цыганскую» песню «Очи черные», то ребята стали его самыми горячими поклонниками и верными товарищами. Зачисленный по результатам проверки знаний в шестой класс Неплюевской военной гимназии гимназист Брянкин с удовольствием докладывал есаулу Арсентьеву, прибывшему согласно предписания генерала Домерщикова через неделю в здание гимназии, про свои успехи:

– Ваше благородие, я...

Есаул его вежливо перебил:

– Евстафий, предлагаю обращаться между нами по именам, я офицер и ты будущий офицер, так что, будь любезен, обращайся ко мне по имени и отчеству. Итак?

– Александр Ильич, я глубоко признателен вам и его высокопревосходительству генералу Веревкину за проявленные вами ко мне доброту и участие в устройстве моей судьбы. Теперь я законный гражданин Российской Империи и очень вам благодарен. Единственно, что омрачает мою жизнь, так это отсутствие сведений о моих родителях, если вы что-то узнаете, то, пожалуйста, сообщите мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.